

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2025.54.84.002

**Деонтологическое vs. истинностно-направленное
обоснование: перспективы метанормативного
синтеза в аналитической эпистемологии**

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется эпистемологический вектор критики деонтологической концепции эпистемического обоснования, который отчетливо обозначился в аргументах У. Олстона и других эпистемологов, доказывающих, что деонтологическое обоснование не удовлетворяет требованию истинностной проводимости. Согласно этому требованию, обоснование должно систематически выявлять надежные индикаторы истинности, увеличивая, таким образом, вероятность того, что убеждения, отбираемые посредством обосновывающих процедур, являются истинными. Аргументы, выделяющие классы ситуаций, в которых деонтологически обоснованными являются убеждения, поддерживаемые на основаниях, не способствующих достижению истины, ставят под сомнение саму эпистемологическую состоятельность деонтологической концепции обоснования, демонстрируя принципиальное расхождение экстерналистских (объективно-вероятностных) и интерналистских (деонтологически-эвиденциалистских) критериев обоснованности. Однако систематический анализ такого рода аргументов выявляет концептуальную амбивалентность и структурные противоречия этой критики, включая неоправданную редукцию деонтологической обоснованности к формальной безупречности и нарушение принципа эпистемически-нормативной релевантности деонтических критериев, неразрешимую дилемму рациональной агентности и подмену деонтически-оценочных принципов социально-оправдательными установками, а также ошибку *petitio principii* в аргументации Олстона. В работе представлена комплексная стратегия реабилитации эпистемологического достоинства деонтологической концепции обоснования, основанная на комбинации подходов, разработанных в современной аналитической эпистемологии. В систематике этих подходов выделяются векторы эпистемологического анализа и решения исходной проблемы: 1) концептуальная деконструкция (Х. Вахид), доказывающая, что расхождение деонтологического обоснования с обоснованием истинностно-направленным предполагается анализом деонтически-оценочной формулой Олстона в терминах вероятностной природы

обоснования; 2) дефляционная реинтерпретация истинностной проводимости (М. Стиап), следствием которой является замещение релейабилистских критериев фактической вероятности критериями условной - эпистемической вероятности в рамках деонтологической интерпретации принципов умеренного эвиденциализма; 3) диспозиционально-динамическая модель (А.В. Галухин), интегрирующая имманентную готовность к ревизии убеждений в структуру деонтических квалификаторов безупречности; 4) контекстуальный подход, основанный на идее «приземленной рациональности» (Р. Локки), адаптирующий нормы к когнитивным ограничениям; 5) статистическая интеграция требований к надежности когнитивных процессов в систему деонтологических обязательств. Раскрывается провизионально-регулятивная значимость системы деонтологического обоснования: обосновывается положение, что безупречное выполнение интеллектуальных обязательств является системным фактором минимизации ошибок и стратегической оптимизации возможностей достижения истины. Определяется перспектива метанормативно-рефлексивного синтеза деонтологического и телеологического подходов через различение и соотнесение конститутивных и регулятивных норм. Реабилитация деонтологического подхода требует не отказа от истинностной проводимости как базового эпистемологического стандарта, но предполагает реконфигурацию самого представления о том, как через комбинацию принципов эпистемической вероятности, когнитивной доступности и рациональной ответственности деонтологическое обоснование выводит на след истины.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Деонтологическое vs. истинностно-направленное обоснование: перспективы метанормативного синтеза в аналитической эпистемологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 9А. С. 12-49. DOI: 10.34670/AR.2025.54.84.002

Ключевые слова

Деонтологическая концепция эпистемического обоснования, интеллектуальные обязанности, ответственность за убеждения, знание, истинность, аргумент от эпистемической обделенности, расхождение интернализма и экстернализма, эпистемическая вероятность, конститутивные и регулятивные нормы, рациональность, агентность.

Введение

Деонтологическая концепция эпистемического обоснования (ДКО) эксплицирует критерии обоснованности посредством деонтически-оценочных понятий, применяемых для квалификации отношения субъекта к регулятивным ограничениям, выражаемым через систему *требований, запретов и разрешений*, которым должен быть подчинен способ познавательного эффективного культивирования убеждений, - деонтологическое обоснование предполагает установление эпистемического статуса убеждений на основе рассмотрения «нормативных последствий ситуации агента в отношении того, что требуется, запрещается или разрешается» [Alston, 1988, 257-259] в той или иной познавательной ситуации с точки зрения *норм*, задающих доксатическую дисциплину в рамках регулятивного каркаса познавательной

деятельности. С традициями классическими эпистемологии эту концепцию связывает презумпция рациональной агентности субъекта познания и общее представление, согласно которому убеждения субъекта приобретают статус обоснованности исключительно при условии *безупречного выполнения им долга разумного существа*, способного к генерации знаний посредством интеллигентной познавательной активности. Безупречность определяется соразмерно мере ответственности, которая устанавливается в зависимости от того, что разумно ожидать от субъекта в плане следования системе норм, регулирующих формирование и поддержание доксистических установок аксиологически адекватным (способствующим реализации эпистемических ценностей), методологически правильным и познавательно целесообразным образом.

Таким образом, согласно эпистемико-деонтологической парадигме, ключевым критерием в системе принципов обоснования выступает ответственное выполнение субъектом интеллектуальных обязательств, выраженных в форме императивов, разрешений и запретов, формирующих дисциплину культивирования доксистических установок и направленных на оптимизацию условий обращения убеждений в знания: «Утверждать, что убеждение является (деонтологически) обоснованным (*Jd*), значит утверждать, что субъект, придерживаясь этого убеждения, субъект не нарушил никаких эпистемических обязанностей, действовал эпистемически ответственно и не подлежит порицанию или осуждению. Однако различные режимы этих обязанностей или обязательств, а также их содержание порождают разные варианты деонтологических теорий обоснования» [Vahid, 2005, 38].

Представим гипотезу интегрального определения деонтологического критерия обоснованности:

Убеждение $B(p)$, усваиваемое и поддерживаемое познающим субъектом S в момент времени t , является деонтологически обоснованным (*Jd*) тогда и только тогда, когда выполняются следующие условия:

- соблюдение эпистемических норм: S придерживался всех релевантных эпистемических обязательств (например, поиск свидетельств, логическая непротиворечивость, минимизация когнитивных искажений) при формировании или поддержании $B(p)$;
- отсутствие эпистемической виновности: соблюдение этих норм демонстрирует эпистемическую ответственность S , так что S не подлежит осуждению за нарушение интеллектуальных обязанностей в отношении $B(p)$;
- удовлетворение режима обязательств: обоснованность соответствует применимому режиму обязательств (объективному, субъективному, когнитивному или гибричному, по У. Олстону [Alston, 1989, 87-90], - деонтическая оценка носит комплексный характер, учитывая распределение приоритетов между универсальным нормам, с одной стороны, и ограничениям, относимым к агенту, с другой).

В аналитических исследованиях по проблемам эпистемического деонтологизма выделяются и обсуждаются различные формулы определения конститутивных условий деонтологического обоснования. Основные типы представлены двумя формулами – *проскриптивно-разрешительной* и *деонтически-оценочной*, - если первая формула обеспечивает своеобразное выражение *регулятивных* интенций нормативной эпистемологии, то вторая формула, предполагающая оперирование понятием безупречности, представляет, *оценочный* подход к определению эпистемического статуса убеждений, основанный на использовании, собственно, деонтических критериев, и представляется даже более адекватной в плане выражений ключевой идеи деонтологического обоснования [Галухин, 2025, 17-21].

Согласно *проскриптивно-разрешительной формуле* ($DCEJ_{\text{permission}}$), обоснованность убеждения означает, что его поддержание не нарушает эпистемические нормы (т.е. разрешено правилами познавательной целесообразной доксистической дисциплины).

Убеждение субъекта S , что p , является деонтологически обоснованным в момент t тогда и только тогда, когда:

$\neg \exists R [R \in N \wedge \text{нарушено}(S, R, p, t)]$, где:

« N » — множество релевантных эпистемических норм,

« $\text{нарушено}(S, R, p, t)$ » - субъект S нарушил норму R , поддерживая убеждение p в момент t .

$DCEJ_{\text{permission}}$: S обоснованно верит в p на момент $t \Leftrightarrow$ поддержание p не запрещено эпистемическими принципами N .

Согласно *деонтически-оценочной формуле* ($DCEJ_{\text{blame}}$), обоснованность супервентна на *безупречности* позиции субъекта в отношении собственных доксистических установок (в формально-отрицательном смысле безупречность означает отсутствие оснований для порицания).

Убеждение S в p обоснованно на момент t тогда и только тогда, когда:

$\neg \text{виновен}(S, p, t)$, где:

« $\text{виновен}(S, p, t)$ » - S заслуживает эпистемического порицания за поддержание p на t .

$DCEJ_{\text{blame}}$: S обоснованно верит в $p \Leftrightarrow S$ формирует и поддерживает убеждения эпистемически ответственным и безупречным способом (У.Олстон полагает, для экспликации принципа деонтологической обоснованности подходит «понятие свободы от предосудительного состояния» [Alston, 1989, 89]).

Интегральная формула ответственности ($DCEJ_{\text{responsibility}}$) представляет компромиссную модель, объединяющую соблюдение норм и принцип когнитивной реализуемости («*Debes, ergo potes*» = «Должен, значит можешь»).

Обоснованность(S, p, t) $\Leftrightarrow$ ответственен(S, O, p, t) $\wedge$ выполнимо(O, S, t), где:

« O » — множество интеллектуальных обязательств, вытекающих из N ,

«ответственен (S, O, p, t)» - S ответственно выполнил O при поддержании p ,

«выполнимо (O, S, t)» - объем O соответствует когнитивным возможностям S на момент t (принцип «*Debes, ergo potes*»).

Формула синтезирует нормативность и реализм: обязательства ограничены тем, что субъект способен выполнить (т.е. тем, что разумно было бы ожидать от субъекта с учетом его диспозиций- способностей и возможностей, заложенных в структуре ситуации).

Представленные формулы ДКО, несмотря на концептуальную строгость, сталкиваются с системными вызовами, требующими мета-теоретической рефлексии.

Проскриптивно-разрешительная модель ($DCEJ_{\text{permission}}$) была подвергнута критике за недостаточную специфичность. Как отмечает Ноттельманн [Nottelmann, 2013, 2226], базовый её принцип - убеждение обоснованно, если поддержание это убеждения разрешено релевантными нормами - допускает редукцию к любой недеонтологической теории обоснования (например, эвиденциализму), т.е. критерий N может быть переформулирован в терминах *запрещения* поддерживать убеждения, если *нарушены соответствующие правила и нормы*, значение которых обосновывается в какой-либо эпистемологической теории. Иными словами, любая теория обоснования, где обоснованность = удовлетворение стандарту N , может быть выражена как « $\neg \text{запрещено } N(p)$ ». Следствием этого является размывание границ ДКО как самостоятельной парадигмы. Для устранения редукции предлагается ввести семантическое ограничение (DE): суждение об обоснованности должно имплицировать применение деонтических предикатов («виновен», «безупречен») к субъекту, что сохраняет агентивную природу ДКО.

Применение же *деонтически-оценочной формулы* (DCEJ_{blame}) сопряжено с эпистемологическим риском релятивизации критериального содержания оценочного понятия «безупречности». Если безупречность сводится лишь к отсутствию порицания в данном контексте (например, вследствие когнитивных ограничений или следования специфическим нормам культурно изолированного сообщества), то посредством деонтических оценок, производимых с учетом *дисклеймеров ответственности*, можно оправдывать эпистемически дефектные убеждения. Как будет показано в данной работе, существует несколько стратегий иммунизации ДКО от такого рода ситуаций, одна из которых в *усилении презумпции рациональной агентности* как необходимого условия установления интеллектуальных обязательств и предпосылки определения меры ответственности субъекта, а другая – в раскрытии значимости критериев *эпистемической вероятности* для оценки безупречности: обоснованность определяется не через индикаторы фактической вероятности, а безупречностью в плане культивирования убеждений на основе доступных свидетельств, которыми очерчивается горизонт условной вероятности. Различение субъективной (исполнение воспринятых обязательств) и объективной (соответствие универсальным нормам) безупречности задает рамки для транскультурной валидации критериев. Деонтологическая обоснованность является конститутивной в отношении эпистемического достоинства убеждений при условии правильного соотношения *объективного долга* субъекта познания с *субъективными обязательствами*, то есть такого именно соотношения, которое не дискредитирует статус рационального агента (как это допускается в ситуациях, моделируемых некоторыми критиками ДКО), но соответствует этому статусу и принимает такую конфигурацию, которая является оптимальной в плане выполнения нормативных условий максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем массиве убеждений [Галухин, 2025, 22-25].

Нормативные условия, выделяемые с позиций *интернализма* (такие, например, как соответствие убеждений стандарту достаточного эвиденциального подкрепления), следует отличать от условий *диспозиционально-номологических*, конститутивных в отношении *фактической вероятности*, ибо только нормативные условия поддерживаются в рамках классического деонтологического подхода.

Деонтически-оценочная концептуализация критериев обоснованности комбинации с представлениями о *регулятивно-руководящей функции обоснования*, как показывают А. Голдман [Goldman, 1999, 272-276] и А.Плантинга [Plantinga, 1993, 15-29], мотивирует развитие *интерналистских программ* нормативной эпистемологии, которые акцентируют роль сознательной деятельности субъекта и ставят определение и отбор конститутивных факторов обоснования в зависимость от способности субъекта рефлексивно артикулировать основания своих убеждений и критически оценивать их соответствие методологическим принципам и эпистемическим стандартам.

Однако деонтологическая экспликация принципа эпистемической обоснованности сталкивается с **систематической критикой**, выявляющей её концептуальные и функциональные ограничения.

Первое - «*метафизическое*» *направление критики* фокусируется на проблеме доксистического волюнтаризма — допущения, что субъект обладает контролем над своими убеждениями, достаточно эффективным, чтобы можно было с полным основанием полагать его ответственным за их формирование и поддержание.

Второе - *эпистемологическое направление критики* проблематизирует связь между деонтологической обоснованностью и истинностным содержанием убеждений. Если

выполнение интеллектуальных обязательств рассматривается как критерий обоснованности, возникает вопрос: обеспечивает ли «безупречность» процедурную или результативную надежность в достижении истины? Как демонстрируют экстерналисты (У. Олстон, А. Голдман, Э. Соса), в пределах того, что разумно было бы ожидать от субъекта с учетом его когнитивных ограничений и условий познавательной ситуации, позиция его в отношении поддерживаемых убеждений может быть безупречной по деонтически-оценочным стандартам, но это не гарантирует его от систематических ошибок (например, когнитивных искажений) или недостатка релевантных свидетельств – от того, что убеждения не будут формироваться и поддерживаться на сомнительном или даже неадекватном основании. И наоборот, истинные убеждения могут возникать с достаточной регулярностью, независимо от того, насколько эпистемически ответственно субъект подходит к определению того, во что верить и какие убеждения поддерживать. Таким образом, деонтологическое обоснование, будучи нормативно-процедурным, не гарантирует «сцепления с истиной», что подрывает его эпистемическую значимость в классическом понимании знания как обоснованной истинной веры (JTB-модель).

Цель данной работы – исследовать эпистемологическое направление критики деонтологической концепции обоснования, оценить теоретическую основательность аргументов, которые указывают на проблему разрыва между конституентами деонтологической обоснованности и условиями истинностной проводимости, и определить возможные пути решения данной проблемы в рамках модифицированных моделей концептуализации обоснования с позиций эпистемико-деонтологического подхода.

Эпистемологический вектор критики: проблема истинностной проводимости деонтологического обоснования

Эпистемологический вектор критики деонтологической концепции обоснования выразился в развитии аргументов, предназначенных для демонстрации того, что «деонтологическое обоснование не дает нам того, чего мы ожидаем от эпистемического обоснования» [Alston 1989, 95], а именно – раскрытия сцепления убеждений с такими условиями и факторами, которые могли бы служить надежными индикаторами их истинности. Наиболее серьезный недостаток деонтологического обоснования заключается, согласно Олстону, в том, что «оно не связано надлежащим образом с адекватным истинностно-проводимым основанием. Я могу выполнить всё, что разумно ожидается от меня в управлении и культивировании моей докстической жизни, и всё равно придерживаться убеждения, основанного на вопиюще неадекватных основаниях» [Ibid]. На примере ряда парадигматических ситуаций Олстон показывает, как деонтологическое обоснование может расходиться с обоснованием, которое обладает качеством истинностной проводимости, т.е. надежно выводит на путь к истине, - «сцепление с истиной» достигается за счет того, что убеждения базируются на эпистемически адекватных основаниях, анализ которых, производимый, как правило, в терминах когнитивной надежности и номологической основательности, позволяет выявить объективные показатели истинности.

Первый наиболее обсуждаемый пример такой ситуации – это культивирование убеждений на основе доверия традиции, сложившейся и поддерживаемой в культурно изолированном сообществе: человек, воспитанный в закрытом сообществе, не имея возможности получения сведений из альтернативных источников, поддерживает убеждения (относительно происхождения и истории сообщества), которые не имеют объективных оснований, но имеют

источником традиции, которая, согласно принятому допущению, не является надежным источником знаний. Интеллектуальные обязанности человека ограничены тем, что было бы разумно ожидать от него в такой ситуации, и такого человека, как полагает Олстон, нельзя упрекнуть за доверие традиции, которая исчерпывает объем доступных ему когнитивных ресурсов: «S деонтологически оправдан, но его убеждения не способствуют достижению истины» [Alston, 1988, 286–287].

Второй пример – это случай дефицита когнитивных способностей. Представим «студента колледжа, у которого нет способностей к пониманию абстрактных философских текстов... Он просто не в состоянии отличить эту точку зрения (согласно которой, «все есть мнение» - Авт.) от взглядов Локка... Его нельзя винить за то, как он интерпретирует Локка; он делает всё, что в его силах» [Alston, 1988, 287–288].

Третий пример – доверие социальным авторитетам при нехватке времени и ресурсов: «Большая часть наших убеждений в науке, истории, географии и текущих событиях принимается на основе авторитета... мы формируем убеждения на объективно ненадежной основе, хотя и остаемся деонтологически оправданными в этом» [Alston, 1988, 289].

Олстон показывает, что в такого рода ситуациях достигается деонтическая безупречность, поскольку, возможно, человек сделал то, что от него можно было ожидать в плане управления своими доксистическими установками (убеждениями) и развития культуры познания, но при этом он все еще придерживается убеждений на совершенно неадекватных основаниях (согласно исходному допущению, традиции и мифы племени не являются надежными источниками знаний).

Ряд современных эпистемологов представили аргументированные ответы на критику ДКО, в которых раскрывались концептуальные изъяны и теоретические упущения в аргументации Олстона.

Эпистемологический анализ Х. Вахида: Олстоновская формула деонтологического обоснования в комбинации с представлением, что обоснованность не гарантирует истинность

Х.Вахид обращает внимание на структурный изъян в аргументации Олстона. Возможность расхождения деонтологического обоснования (Jd) и «оценочного обоснования» (Je), которое, по мысли Олстона, является истинностно-направленным, заложена в самой формуле условий деонтологического обоснования (Jd), которую Олстон связывает с концепцией *когнитивных* (интеллектуальных) *обязательств* и которая, как показывают примеры Олстона, позволяет квалифицировать позицию субъекта в отношении собственных убеждений как деонтически безупречную даже в ситуациях, когда для поддерживаемых им убеждений нет адекватных оснований.

Согласно определению, из которого исходит Олстон, убеждение *деонтологически обосновано*, если и только если субъект, поддерживая данное убеждение, *не нарушает никаких эпистемических обязательств*, установленных для него в объеме, соразмерном тому, что *было бы разумно ожидать* от субъекта в данной ситуации. Олстон полагает, что эпистемические обязательства, выполнение которых конституирует деонтологическую обоснованность, следует понимать как *когнитивные обязательства*, поскольку только такое понимание соответствует основной идее, положенной в основу ДКО. Для определения меры ответственности субъекта и деонтической оценки его позиции в отношении поддерживаемых им убеждений недостаточно

объективной модальности установления того, что должно быть, которой соответствует пропозициональная обоснованность (*S* объективно оправдан в том, чтобы полагать, что *p*, поскольку *так случилось*, что имеются адекватные свидетельства в пользу *p*), как недостаточно также полагать субъекта безупречно исполняющим свои эпистемические обязательства, т.е. считать его убеждения деонтологически обоснованными, когда субъект поддерживает эти убеждения в силу одной лишь *субъективной уверенности* в том, что для этого убеждения имеются основания. Олстон полагает, что формула, в которой раскрываются условия деонтологического обоснования, должна истолковываться на основе «когнитивной концепции обязательств»: *субъекта можно считать ответственным за положение А, которое сложилось в результате того, что он сделал, только если он сделал, то, что, как ему казалось, он должен был сделать, поскольку- согласно имеющимся у него данным - с высокой степенью вероятности это должно было привести к А.* Как поясняет Олстон, «это все еще субъективная концепция, поскольку то, что требуется для выполнения моего обязательства, определено с моей точки зрения; но моя точка зрения охватывает не все мои убеждения, а только мои оправданные убеждения [Alston, 1989, 87].

Х.Вахид проводит анализ определения условий деонтологического обоснования, которое Олстон принимает за основу раскрытия критериального значения деонтически-оценочных понятий, и приходит к выводу, что расхождение деонтологической обоснованности с истинностной проводимостью — следствие конъюнкции общего эпистемологического принципа, согласно которому *обоснованность не гарантирует истинность*, с формулой которая, по мысли Вахида, является для Олстона исходной при установлении типа обязательств, выполнение которых обеспечивает положительный деонтический статус [Vahid, 2005, 36-52]:

(Jd) *S деонтологически обоснованно полагает, что p, если и только если S имеет обоснованное метаубеждение, что у него есть адекватные свидетельства истинности того, что p.*

В качестве альтернативы деонтологически-интерналистской концепции обоснования, которую Олстон считает эпистемологически неадекватной, он предлагает **объективно-оценочную концепцию**, в рамках которой критерии обоснованности определяются по объективным индикаторам вероятной истинности (таким, например, как *надежность когнитивных процессов*, т.е. достаточно высокая частотность продуцирования истинных убеждений). Первичная формула, выражающая смысл обоснования в *объективно-оценочном смысле*, имеет следующий вид:

(Je) *Убеждение S в том, что p, является обоснованным, если только если поддержание убеждения в том, что p, имеет положительное значение с эпистемической точки зрения, в том смысле, что убеждение базируется на адекватных основаниях и у субъекта нет достаточных разумных причин, чтобы полагать по-иному* [Alston, 1989, 105-106].

Поскольку обоснование положений или убеждений, даже если он производится в соответствии с критериями оценочной концепции, *не гарантирует истинности*, но выявляет лишь определенные *вероятностные индикаторы*, субъект может иметь хорошо обоснованное (по стандартам Je-концепции) метаубеждение в том, что у него имеются адекватные основания для убеждений первого порядка, даже если это метаубеждение ложно. Случаи, на которые ссылается Олстон, *не доказывают несостоятельность ДКО*, но лишь иллюстрируют эпистемологически общезначимое положение, что для значительного класса убеждений, составляющих, как правило, основу эмпирических знаний, обоснованность устанавливает вероятность, но не имплицитно истинность. *Расхождение Jd и Je — не недостаток*

деонтологии, а следствие природы обоснования как такового: «Олстон, наряду с другими современными эпистемологами, воздерживается от утверждения, что обоснованность имплицитно истинность. Это означает, что убеждение может быть объективно обоснованным (т.е. Je) и при этом быть ложным. Теперь вспомним определение Jd (формулу деонтологической обоснованности, на которую опирается Олстон – Авт.): S деонтологически обоснован (Jd) в убеждении, что p, тогда и только тогда, когда S имеет объективно обоснованное (Je) убеждение, что располагает адекватными свидетельствами в отношении того, что p истинно. Учитывая указанное различие между обоснованностью и истиной, следует, что S может быть Je в убеждении, что его свидетельства в пользу p адекватны (тем самым удовлетворяя правой части определения), и при этом сами свидетельства фактически *неадекватны*. Это означает, что S может быть деонтологически обоснован (Jd) в убеждении, что p, и одновременно *не* иметь объективного Je обоснования в отношении этого же убеждения. Возможность разрыва между деонтологическим обоснованием и истинностно-проводимым обоснованием, таким образом, прямо вытекает из того, что эпистемическое обоснование не гарантирует истину, а также из специфической формы принципа деонтологической обоснованности (DJd), которая подразумевает обоснованность убеждения метауровня в адекватности оснований для исходного убеждения» [Vahid, 2005, 47].

Основная интенция Вахида заключается в том, чтобы доказать, что Олстон критикует модель деонтологического обоснования (Jd) за возможность расхождения с обоснованием, выявляющим надежные индикаторы истинности, хотя свойство, вследствие которого может произойти расхождение обоснованности и истинности, присуще и его собственной концепции обоснования (Je). Так, в парадигматической ситуации, описываемой как ситуация культивирования убеждений в условиях культурной изоляции, метаубеждение в том, что традиция является надежным источником знаний, объективно ошибочно, но это, однако, не исключает, что такое метаубеждение может быть обоснованным в объективно-оценочном смысле, - только в этом случае, как показывает Вахид, ситуации, описанные Олстоном, являются частными иллюстрациями общего эпистемологического положения, что обоснованность не имеет логическим следствием истинность» [Галухин А.В., 2024, 43]. Я полагаю, что возражение Вахида строится на довольно сильной идеализации, которая выражается в допущении, что даже если бы метаубеждение субъекта - члена культурно-изолированного сообщества - в том, что традиции являются надежным источником знаний, можно было бы квалифицировать как обоснованное по стандартам объективно-оценочной концепции (Je), то *в условиях моделируемой Олстоном ситуации* это не гарантировало бы от ошибки в признании того, что для основных убеждений (например, убеждений относительно истории племени) имеются адекватные основания, и именно вследствие ошибки такие убеждения базировались бы на эпистемически неадекватных основаниях. Однако, в оригинальном аргументе Олстона от эпистемической обделенности явно *не подразумевается*, что коллективно поддерживаемая вера в традицию является эпистемически обоснованной по стандартам *оценочной концепции* (Je), - в лучшем случае Олстон предполагает, что ошибочное метаубеждение в надежности традиций является обоснованным *prima facie*, т.е. презумптивно обоснованным и принимаемым как истинное, пока не доказано противоположное, а возможности такого доказательства (по условиям ситуации) изначально ограничены. Учитывая специфику моделируемых Олстоном ситуаций, вполне рациональным является предположение, что это единственный случай, в каком *обоснованию метаубеждения субъекта* можно придать *минимальный* эпистемологический смысл. Олстон полагает, что анализ ряда парадигматических ситуаций должен заставить усомниться в

эпистемологической адекватности ДКО, а ситуации моделируются таким образом, чтобы показать, что безупречность не исключает базируемости убеждений на *неадекватных* основаниях: «даже если у меня нет достаточных свидетельств в пользу *p*, меня едва ли можно винить за веру в *p* (даже при допущении — как мы это делаем в данной дискуссии, — что сама по себе вера при отсутствии достаточных свидетельств является неправильной), при условии, что я обоснованно полагаю, будто располагаю достаточными свидетельствами» [Alston, 1989, 89]. Но Олстон *не объясняет*, в каком смысле гипотетический субъект обоснованно, хотя и ошибочно, полагает, что располагает достаточными свидетельствами, — такая неопределенность, допускающая истолкование обоснованности метаубеждений в различных смыслах, выходящих за рамки эпистемически релевантных оценок — в контекстуальном (невинная иррациональность), прагматическом (оптимизация использования доступной информации) и социально-деонтическом (отсутствие социальной вины) — является существенным изъяном критической аргументации, нацеленной на демонстрацию несостоятельности ДКО.

Р. Пилс об ошибке *petitio principii* в аргументации Олстона

Возражение общего плана против критики Олстона деонтологической концепции эпистемического обоснования выдвинул Р. Пилс, указавший на то, что аргументация Олстона развивается на основе неоправданного и теоретически тенденциозного допущения. Утверждая эпистемологическую несостоятельность деонтологической концепции на основании её несоответствия экстерналистским или интерналистским стандартам обоснования, Олстон, по видимому, исходит из общего метатеоретического допущения, что любая адекватная эпистемологическая теория обоснования должна быть редуцируема к одной из этих парадигм. Данное допущение не является концептуально нейтральным, но представляет собой нормативный метаэпистемологический постулат, нуждающийся в собственном обосновании: «Олстону не удастся предложить теоретически нейтральный критерий — то есть критерий, не зависящий от конкретного анализа эпистемического обоснования, критерий, которому должна удовлетворять теория эпистемического обоснования» [Peels, 2017, 2906].

В аргументации Олстона, построенной на основе анализа контрпримеров, содержится ошибка *petitio principii*: развивая критику деонтологической концепции, Олстон предполагает, что эпистемическое обоснование должно выявлять факторы, которые делают убеждения вероятно истинными, при этом в качестве базового критерия принимается либо (г) надежность процесса формирования убеждений, либо (е) наличие хороших свидетельств, достаточно индикативных в отношении истинности поддерживаемых убеждений. Но признание того, что только критерии, заданные в одной из этих заведомо установленных парадигм, являются единственно эпистемологически адекватными, составляет предмет спора. На метатеоретическом уровне нет априорно различных оснований, которые заставили бы усомниться в рациональности предположения, что именно принцип деонтологической обоснованности, а не (г) или (е), является верной трактовкой эпистемического обоснования; недопустимо априорно исключать возможность построения аргументов, демонстрирующих, как это делает Р. Пилс (об этом — в заключительных разделах данной работы), что деонтологическая концепция обоснования является эпистемологически значимой альтернативой концепциям, построенным в парадигмах экстернализма (релейабиллизм) или деонтологически нейтрального интернализма (классический эвиплениализм): «Деонтологическая концепция эпистемического обоснования [...] может быть истолкована как *конкурирующий* взгляд на то, что значит иметь

эпистемическое обоснование для определенного убеждения» [Peels, 2017, 2904]. Принципиальный методологический изъян в аргументации Олстона состоит в том, что критерий релевантности эпистемологической теории формулируется им не на основе общих теоретико-познавательных принципов, а посредством абсолютизации специфических характеристик конкурирующих концепций, что делает его критику несостоятельной в отношении автономной деонтологической модели, представляющей собой не редуцируемую к иным подходам альтернативу, а самостоятельную эпистемологическую перспективу с собственными критериями обоснованности.

А.В.Галухин: демонстрация концептуальной перверсивности и амбивалентности посылок аргумента от эпистемической обделенности

В одной из своих работ [Галухин, 2024, 18-46] я доказываю, что аргумент Олстона против эпистемологической состоятельности ДКО, относящийся к общей категории аргументов от *эпистемической обделенности*, основывается на амбивалентных посылках, допускает неоправданную деконструкцию понятий, выражающих условия деонтологической обоснованности, и поэтому не достигает той цели, ради которой он был сконструирован.

Так, можно предварительно указать на ошибки анализа в аргументации Олстона, такие как смешение уровней и типов эпистемически релевантных оценок убеждений. Олстон объединяет два аспекта оценки: в одном случае - это *нормативно-процессуальная корректность*, в другом - *результативная истинность* (достижение истины). Однако, ДКО оценивает *добросовестность агента* в рамках доступных ему возможностей формирования и поддержания убеждений на эвиденциальной основе, а не гарантии истинности, которые определяются с экстерналистских позиций.

Аргумент от эпистемической обделенности, используемый как орудие критики ДКО, основан на амбивалентных допущениях. Амбивалентность этого аргумента обнаруживается в форме дилеммы, которая была обнаруживается при рассмотрении следствий из принимаемой Олстоном формулы определения критериев деонтологической обоснованности и допущений, фигурирующих в посылках его критического аргумента. Олстон, как мы видели, считает, что представленная им формула (Jd) деонтологического обоснования (*S имеет деонтологически обоснованное убеждение в том, что p, если и только если S, поддерживая убеждение в том, что p, не нарушает никаких эпистемических обязательств*) должна истолковываться и применяться в когнитивной, а не в объективной форме, поскольку только в этом случае критерии обоснованности определяются сообразно основной идее, заложенной в основание ДКО, а именно - идеи *безупречности*, т.е. отсутствия нарушения интеллектуальных обязательств. Основная интуиция Олстона, которая мотивирует также его критику ДКО, состоит в том, что, если субъект *оправданно* полагает, что для его убеждений имеются адекватные основания в виде подкрепляющих их свидетельств, то по стандартам этой концепции убеждения субъекта следует считать деонтологически обоснованными даже тогда, когда адекватные свидетельства истинности объективно отсутствуют. Критики обратили внимание на то, что выражение «*оправданно полагает, что для его убеждений имеются адекватные основания*» является довольно неоднозначным по своему смыслу: Х.Вахид исследует линию эпистемологической интерпретации положения об обоснованности такого метаубеждения, а М. Стиап допускает, что Олстон неявно подменяет деонтическое понятие

интеллектуальной безупречности понятием социального оправдания, которое иррелевантно эпистемологическому дискурсу (о чем пойдет речь ниже).

Если принять в качестве гипотезы эпистемологическую интерпретацию, в рамках которой метаубеждение субъекта относительно наличия адекватных свидетельств истинности того, составляет предмет его убеждений, является обоснованным по критериям *объективно-оценочной концепции* (Je), которые отражают то, что «имеет положительное значение с эпистемической точки зрения», то обнаруживается следующая апория:

(1a) Если метаубеждение (выражающие доверие традиции как источнику знаний) обосновано по критериям оценочной теории Олстона, т.е. истинностно-проводимым образом, то традиция с достаточно высокой степенью *фактической вероятности* должна быть надёжным источником знаний (отличаться высокой частотностью индуцирования истинных убеждений), что противоречит исходному допущению Олстона о её *глобальной* ненадёжности.

(1б) Если метаубеждение не обосновано, то субъект нарушает *когнитивные обязательства*, как их определяет Олстон, а поскольку именно выполнение этого типа обязательств составляет условие положительного деонтического статуса, то убеждения человека, сформировавшиеся в условиях эпистемической обделенности, *нельзя считать деонтологически обоснованными*, что снимает вопрос о релевантности рассматриваемой ситуации условиям демонстрации расхождения деонтологического обоснования с обоснованием, обеспечивающим истинностную проводимость.

(2) Допустим, однако, что это метаубеждение обосновано по критериям, заданным в парадигме интернализма, т.е. поддерживается, исходя из доступных субъекту данных и фактов, которые он ошибочно истолковывает или принимает как свидетельства того, что традиция является надёжным источником знаний, и субъект безупречно полагается на это метаубеждение, поддерживая убеждения, индуцированные традицией. Расхождение деонтологического обоснования с обоснованием, обеспечивающим «надежное сцепление убеждений с истиной», в данном случае является контингентным следствием «эпистемической обделенности», чем принципиальной неспособности деонтологического обоснования сцеплять убеждения с истиной : наилучшее рациональное объяснение того, что субъект ошибается, поддерживая метаубеждение относительно наличия адекватных оснований для своих убеждений первого порядка, состоит в том, что дефицит когнитивных ресурсов, возникающий в условиях культурной изоляции, повышает риск ошибки. Однако отсутствие объективных возможностей получить новые данные, которые позволили бы пересмотреть метаубеждение и преодолеть доверие традиции, *не означает, что в контрфактической ситуации, когда такие данные станут доступными, субъект будет следовать стратегией принятия убеждений, индуцируемых традицией, «по умолчанию».*

Упущение диспозиционно-динамического аспекта деонтологического обоснования

Для квалификации обоснованности убеждений с позиций деонтологического интернализма необходимо учитывать не только то, насколько позиция субъекта в отношении поддерживаемых убеждений является рациональной и безупречной, т.е. насколько хорошо субъект в условиях наличной ситуации выполняет свои обязанности, которые состоят в том, чтобы правильным образом поддерживать убеждения, исходя из актуально данных или потенциально доступных ему эвиденциальных ресурсов, но также диспозицию субъекта к тому, чтобы *поступать*

эпистемически ответственным образом в контрфактических ситуациях, когда обнаруживается ограниченность эвиденциальной базы сложившихся убеждений или открываются «дефиторы» - факторы, подрывающие их обоснование, - эта диспозиция отражает функциональный потенциал рефлексивно-оценочной системы и выражается главным образом в способности рефлексировать над основаниями своих убеждений и готовности корректировать или пересматривать эти убеждения с учетом новых данных, свидетельств, аргументов и интересубъективного опыта генерации знаний. С точки зрения *диспозициональной природы деонтологического обоснования* локальное нарушение истинностной проводимости в ситуациях, моделируемых Олстоном, само по себе не дает достаточные основания для заключения о глобальной ненадежности деонтологических критериев обоснованности. Для демонстрации положения, что деонтологическое обоснование *в принципе* не включает в себе условия, при которых квалификация безупречности была бы эквивалентна выявлению надежных индикаторов истинности, необходим дополнительный аргумент.

Таким образом, критика Олстона не учитывает *диспозиционально-динамический аспект деонтологического обоснования*, который включает в спектр квалификаторов безупречности включает *имманентную готовность к пересмотру убеждений при изменении эпистемической ситуации*. Применение деонтологических критериев обоснованности является эпистемологически адекватным в той мере, в какой не только *рефлексия, выявляющая основания убеждений*, наряду с отношением *правильного базирования*, связывающим убеждения с этими основаниями, полагаются условиями выполнения интеллектуальных обязательств, с которым связывается обоснованность, но и готовность субъекта к ревизии собственных убеждений при появлении новых свидетельств или факторов, подрывающих основания, т.е. сознательно поддерживаемая *диспозициональная чувствительность к индикаторам истинности*, рассматривается как фактор, релевантный для деонтологически принципиальной оценки эпистемического статуса убеждений в *актуальной ситуации*. Хотя субъект S в ситуации, моделируемой Олстоном, не сталкивается с контраргументами и дефиторами, подрывающими доверие традиции, его *эпистемическое обоснование имеет условный характер* и предполагает открытость к пересмотру убеждений при трансформации познавательной ситуации. Данный аспект формирует телеологическую перспективу согласованности деонтологических норм с долгосрочной ориентацией на истину, поскольку эпистемически ответственные агенты систематически корректируют свои убеждения при изменении доступной им доказательственной или эвиденциальной базы, руководствуясь регулятивной идеей истинности. Статический анализ проблемы, предложенный Олстоном, не отражает сущностной характеристики деонтологической концепции – ее итеративности и способности к самокоррекции в процессе познавательной деятельности.

Концептуальная перверсия: деконструкция деонтически оценочного понятия безупречности

Олстон оправдывает агентов в условиях культурной изоляции, ссылаясь на их неспособность выйти за рамки локальных норм. М.Стиап справедливо указывает на то, что Олстон оперирует в данном случае понятием социальной вины, которое иррелевантно эпистемологическому дискурсу (как и прагматические соображения, которые, как показывает Р.Фельдман, несоизмеримы с эпистемически-оценочными суждениями [Feldman, 1988, 236, 252]).

Подмена понятий: теоретическая vs. социальная ответственность

Стиап оспаривает критику Олстона, указывая на двусмысленность в понятиях «ответственности», «вины», «безупречности», которые применяются в рамках общей стратегии деонтических оценок. Стиап утверждает, что Олстон на концептуальном уровне смешивает два вида ответственности: *теоретическую ответственность* (нормативная оценка эпистемического дефекта в формировании убеждения) и *социальное осуждение* (практическое порицание человека): «Аргумент Олстона несостоятелен, поскольку слово «вина» имеет двойное значение: узкое, теоретическое и широкое, социальное» [Steup, 2021, 21]. Чтобы опровергнуть аргумент Олстона, Стиап чётко разграничивает эти концепции и применяет их к примеру Олстона:

Теоретическая ответственность предполагает использование эпистемологически обоснованных критериев для оценки того, является ли убеждение эпистемически дефектным, независимо от обстоятельств. Например, убеждение, сформированное через ненадёжные методы, не обладает достоинствами, которыми оно должно обладать (поскольку в природе убеждения заложена интенция признания истины и поскольку тематизируется конвертация убеждений в знания) и по теоретическим критериям не является безупречным.

Социальное осуждение предполагает оценку правомерности обвинения с точки зрения соответствия принятым социальным нормам и наличия объективных оправдывающих обстоятельств. Факторы вроде культурной изоляции могут служить *дисклеймерами ответственности* и иммунизировать человека от критики, даже если его убеждение *эпистемически порочно*. Олстон использует случай культурно изолированного человека, формирующего убеждения объективно ненадежными способами, чтобы доказать, что убеждение может быть деонтологически обоснованным (*Jd*), поскольку имеются объективные оправдывающие обстоятельства, но без того, чтобы быть обоснованным истинно-направленными методами (*Je*). Олстон утверждает, что культурный контекст оправдывает субъекта.

Стиап возражает: деонтологическое обоснование (*Jd*) предполагает установление ответственности не в социальном, а в *теоретическом* (эпистемологическом) смысле. Поскольку убеждения субъекта формируются способами, не обеспечивающими оптимизацию возможностей достижения истины, они *теоретически* порочны, даже если социальное осуждение неуместно.

Опровержение контрпримера Олстона

Стиап полагает, что попытка Олстона разделить *Jd* (отсутствие вины) от *Je* (эпистемическое оправдание) ошибочна. Убеждение без *Je* (истинно-направленного обоснования) не может быть деонтологически обоснованным (*Jd*) в *теоретическом* смысле. Ненадёжные методы создают эпистемические дефекты, делая убеждение заслуживающим осуждения. Таким образом, сторонники ДКО отвергли бы вывод Олстона: убеждение субъекта *не является обоснованным ни по стандартам объективно-оценочной (Je) концепции, ни по стандартам деонтологической (Jd) концепции*.

По сути, Стиап утверждает, что критика Олстона основана на подмене понятий. Я же усматриваю в этом преднамеренное выхолащивание положительного *содержания эпистемических обязательств*: если агент следует нормам, не способствующим достижению истины, его безупречность становится формальной и эпистемологически бессодержательной.

Определяя критерии деонтологического обоснования на основе одного лишь понятия «непредосудительности» (отсутствия нарушений), Олстон осуществляет неоправданную *редукцию деонтологической обоснованности к формальной и отрицательной безупречности*. В представлении Олстона деонтологическая обоснованность оказывается эпистемологически апорийной: безупречность агента, следующего ненадежным традициям, не коррелирует с истинностной проводимостью. Но такая трактовка игнорирует эпистемически-нормативный фундамент обязательств. Представим эту линию возражений в более структурированном виде.

Критика концептуальной амбивалентности понятия безупречности

Тезис Олстона: Безупречность в ДКО означает выполнение интеллектуальных обязательств, даже если убеждения формируются на ненадежной основе (например, в условиях культурной изоляции).

Контраргумент состоит в следующем: Олстон смешивает два смысла безупречности, а именно – *положительный* (выполнение когнитивных обязательств в рамках доступных субъекту норм, например, следование традициям) и *отрицательный* (отсутствие нарушений, но без связи с эпистемически значимыми критериями, т.е. когнитивная невинность). Подмена понятий ведёт к формализации безупречности, лишая её эпистемологического содержания. Безупречность превращается в «иррациональную невинность» (термин Р.Пилса), что несовместимо с рациональной агентностью.

Нарушение принципа эпистемической релевантности

Тезис Олстона: Обязательства субъекта определяются контекстом (например, культурной изоляцией), что оправдывает формирование убеждений на основе ненадежных традиций.

Контраргумент: Принцип эпистемически-нормативной релевантности требует, чтобы обязательства имели связь с условиями истинностной проводимости (например, субъект обязан принимать положение за истину при условии наличия адекватных свидетельств, распознавание которых находится в рамках когнитивных компетенций, объем которых достаточен для утверждения рациональной агентности). Олстон нарушает этот принцип, заменяя его контекстуальной релятивизацией. В условиях культурной изоляции от субъекта «разумно ожидать» доверия традициям, но эти традиции сами по себе могут быть не представлять надежную основу формирования убеждений, способных обратиться в знание..

В результате обязательства теряют связь с нормативно выраженными условиями обеспечения истинностной проводимости, а безупречность становится пустой формальностью.

Аргумент от избыточности интеллектуальных обязательств

Безупречность требует выполнения обязательств, вытекающих из эпистемически значимых норм (например, эвиденциальной обоснованности).

В условиях культурной изоляции от субъекта «разумно ожидать» следования традициям, но эти традиции не гарантируют истинность.

Вывод: Обязательства, вменяемые субъекту, лишены эпистемической релевантности. Безупречность становится формальной, а ДКО — эпистемологически бессодержательной.

Концептуальные противоречия в аргументации Олстона – дилемма рациональной агентности.

Внутренняя противоречивость аргумента Олстона раскрывается также посредством демонстрации того, что в структуре этого аргумента не содержится ресурсов для преодоления *дилеммы рациональной агентности*:

- *либо* агент в культурной изоляции не выполняет объективные («ролевые») обязательства, которые вменяются ему как рациональному агенту, и тогда его убеждения нельзя считать деонтологически обоснованными;

- *либо* он не обладает статусом рационального агента, и тогда применение к нему деонтических стандартов не имеет смысла.

Покажем, как эта дилемма обнаруживается в представляемых Олстоном ситуациях

Культурная изоляция: Если традиции племени систематически ненадежны, они должны порождать ошибки в повседневных суждениях (например, в прогнозировании погоды или лечении болезней). Однако в примере Олстона члены племени «не сталкиваются с противоречиями», что невозможно, если традиции действительно ошибочны. Игнорирование ошибок и противоречий само по себе является нарушением интеллектуальных обязанностей разумного существа, либо оно является следствием недостатка способностей рефлексии и критики, что дает основание для того, чтобы поставить под вопрос рациональную агентность членов сообщества.

Когнитивная недостаточность: Если студент физически неспособен понять аргументы Локка (например, из-за психического расстройства), то, по логике самого Олстона, он не имеет соответствующих эпистемических обязанностей, ибо установления таких обязанности, равно как и определение меры ответственности, возможны при условии принятия допускающей верификацию презумпции рациональной агентности.

Смысл данного возражения не в утверждении безусловной значимости «ролевых обязательств», на которые полагается Р. Фельдман, осуществляя дефляцию доксистического волюнтаризма, а в том, что в моделях ситуаций, которые представляет Олстон, нарушается базовая презумпция рациональной агентности, выражающая априорно необходимое условие определения объема релевантных обязательств, которые можно обоснованно вменять субъекту.

Для того, чтобы содержание деонтически-оценочного понятия безупречности сохраняло эпистемологически-критериальную значимость, необходимо, чтобы существовала нерушимая связь субъективных обязательств с объективными обязательствами, подобающими статусу рационального агента.

В работах Р.Фельдмана раскрывается значение *объективных эпистемических обязательств* как «ролевых» обязательств рационального агента познания [Feldman, 2000, 676], - объем должного в этом случае, как и мера ответственности субъекта определяются независимо от принципа «Debes, ergo potes». Однако некоторые исследователи деонтологической этики убеждений высказывают сомнения в том, что концепт «ролевых» обязательств адекватен для определения эпистемической ответственности [Lockie, 2018, 24], и предлагают оперировать понятием познавательного идеала [Kornblith, 2001, 238-239].

Если субъект, способный соотносить свою политику в отношении к убеждениям с разумным идеалом, в котором учитываются когнитивные ограничения, недостаточно критически оценивает основания поддерживаемых убеждений (например, догматически следует традициям), такие убеждения нельзя считать деонтологически обоснованными. Данная стратегия защиты ДКО исходит из допущения, что безупречность должна отражать выполнение не только локальных, но и *транскультурных норм рациональности*. Олстон, однако, полемизируя по этому вопросу со Стиапом, возражает, что такая квалификация безупречности

индуцирует гиперобязательства, несоизмеримые с областью того, что разумно было бы ожидать от субъекта, и не отличается чувствительностью к культурным контекстам.

Концепция «приземленной рациональности» Р. Локки

Полагая, что эпистемологическая теория должна обеспечивать нормы и правила, которыми можно было бы эффективно руководствоваться в различных контекстах, Р.Локки предлагает учитывать *культурные и когнитивные ограничения субъекта*, ибо это требование соответствует вполне реалистическому пониманию того, что рациональность социальных и эпистемических агентов является «ограниченной», «приземленной»: «При деонтической концепции интернализма, сочетающейся с приверженностью принципу «долженствование подразумевает возможность» (OIC), можно исходить из способностей агента и соответствующим образом определять границы эпистемических требований. Это «ограниченное» понимание эпистемического обоснования приводит к концепциям, которые не подвержены возражению DDP» [Lockie, 2018, 30]. Локки имеет в виду критику А. Голдмана деонтологически-руководящей концепции обоснования, т.е. такой концепции, которая, по идее, должна указать нам надежную и правильную процедуру докастических решений (DDP); однако деонтологический интерналист оказывается в апорийной ситуации, пока нет определенного ответа на вопрос, *какой процедуре* нам необходимо следовать, чтобы найти такую надежную и правильную процедуру формирования и отбора убеждений [Goldman, 1980, 32-33]. Локки полагает, что проект теории эпистемического обоснования будет эффективным, если он «начинается с возможностей субъекта — его фактических, ограниченных и зависящих от времени когнитивных ресурсов — а затем предлагает объяснение того, как ему следует действовать, исходя именно из этих ресурсов — и только из них» [Lockie, 2018, 30]. Деонтологическая концепция обоснования может сохранять связь с истинностью через локальные нормы, если они оптимизируют достижение эпистемических целей в данных условиях. Так, например, Ньютон безупречно верил в абсолютную одновременность — он обоснованно поддерживал это (ложное) убеждение; член племени в примере Олстона безупречно верит в метафизическую картину мира своей культуры, и так далее. У всех нас есть свои пределы. Обоснование в этом важном смысле применимо к нам, когда мы мыслим наилучшим образом в рамках этих ограничений [Lockie, 2018, 37]. Однако критики (например, Р. Пилс) усматривают в использовании концепции «приземленной рациональности» для реабилитации человека в ситуации эпистемической обделенности риск оправдания «невинной иррациональности» [Peels, 2015, 46].

Таким образом, в результате проведенного анализа были выявлены существенные изъяны в аргументации Олстона. При оценке безупречности контекстуальная релятивизация критериев приводит к нарушению принципа эпистемически-нормативной релевантности обязательств. Установление деонтологической обоснованности за счет оправдывающих обстоятельств (дисплеймеров ответственности) ведет к сокращению объема обязательств до потери их эпистемически-нормативного фундамента. Если от членов культурно изолированного сообщества неразумно ожидать формирования убеждений на когнитивно-надежной основе, то им нельзя вменять соответствующие обязательства, что делает понятие безупречности формальным и эпистемологически бессодержательным.

Позиция Олстона противоречива: он пытается сохранить статус рационального агента для субъекта в условиях культурной изоляции, но при этом допускает, что нормы этого сообщества эпистемологически неадекватны.

Анализ показывает, что разрыв между деонтологическим обоснованием и истинностной проводимостью в аргументе Олстона неявно предполагается с самого начала через концептуальную трансформацию понятия безупречности, ибо сокращение обязательств до культурно-обусловленных норм лишает ДКО эпистемологической значимости.

Реабилитация ДКО требует баланса между принципом «*Debes, ergo potes*», применение которого подразумевает установление меры ответственности субъекта исходя из соотношения долга со *способностями* субъекта и ситуативно доступными *возможностями*, и сохранением связи с объективными эпистемическими стандартами. Необходимо избегать крайностей как универсализма, так и релятивизма, признавая, что рациональная агентность предполагает способность к продуктивной рефлексии оснований для убеждений даже в ограниченных условиях.

Дефляционная стратегия М. Стиапа: реинтерпретация истинностной проводимости в терминах эпистемической вероятности

М.Стиап реабилитирует деонтологически-интерналистский подход в теории обоснования за счет реинтерпретации принципа истинностной проводимости в терминах *эпистемической вероятности*, которая замещает требование *объективной (фактуальной) вероятности*, и демонстрации положения, что именно *эпистемическая вероятность* является адекватной для обоснования убеждений и что именно такое обоснование подразумевается в ДКО.

Решение Стиапа основано на дефляции понятия фактической вероятности.

Концептуальной основой решения, предлагаемого Стиапом, является различие двух типов вероятности:

- *фактическая вероятность*: определяется объективными характеристиками мира независимо от нашего знания (например, реальные частоты, физические свойства);
- *эпистемическая вероятность*: степени обоснованности относительно доступных субъекту свидетельств.

Исходя из различия этих типов вероятности, Стиап выстраивает *аргумент против принципа эпистемической адекватности Олстона*. Так, Олстон утверждает, что обоснованные убеждения должны основываться на основаниях, которые делают их *фактически* вероятными. Деонтологи, однако, настаивают, что обоснованность зависит от *эпистемической* вероятности (вероятности, определяемой относительно доступных свидетельств). Подобно тому, как нельзя винить врача за выбор лекарства А, если оно оптимально в рамках доступной информации, нельзя винить субъекта за формирование убеждения, соответствующего его свидетельствам. Традиционные деонтологически мотивированные интерналистские концепции обоснования, имплицитно связывают эвиденциальных квалификаторов обоснованности с безупречностью и ответственностью: убеждение может быть деонтологически обоснованным (эпистемически безупречным), даже если оно не является фактически вероятным. Следовательно, для деонтологической концепции обоснованности принцип адекватности Олстона является изначально irrelevantным, поскольку значение его эксплицировано в альтернативной - экстерналистской парадигме.

Стиап отвечает на центральное возражение Олстона об отсутствии надежных индикаторов и гарантий истинности в деонтологическом подходе следующим образом: «деонтологи отвергают идею, что для обоснования убеждения — то есть для придания ему благоприятного

статуса по отношению к цели достижения истины — оно должно быть квалифицировано по такому критерию как фактическая вероятность. [Деонтологи] готовы признать, что деонтологически обоснованные убеждения могут не обладать фактической вероятностью, поскольку с деонтологической точки зрения в этом нет ничего предосудительного. С другой стороны, что касается эпистемической вероятности, деонтологи отрицают утверждение, что убеждение может быть деонтологически обоснованным, не будучи эпистемически вероятным. Если, как утверждают деонтологи, эпистемической обязанностью субъекта является верить тому, что поддерживается его свидетельствами, то логически невозможно выполнить эту обязанность, приняв убеждение, которое не обладает эпистемической вероятностью» [Steup, 1996, 84]. Истинностная проводимость, эксплицируемая через принцип эпистемической вероятности, достаточна для придания убеждению «благоприятного статуса относительно цели достижения истины». Подобно тому, как фактическая ложность убеждения не исключает его обоснованности, фактическая маловероятность (устанавливаемая из внешней перспективы) также не должна быть фактором, подрывающим положительный статус убеждения, определяемый исходя из доступных субъекту свидетельств (т.е. из внутренней перспективы).

Таким образом, в рамках деонтологически-интерналистского подхода обоснованность пропозициональных установок определяется не объективной вероятностью или номологической связью с истиной, а *рациональной оптимизацией содержания доксистических установок на основе актуально доступных субъекту данных и формируемых свидетельств*. Убеждение может быть обоснованным, даже если оно ложно, при условии, что его формирование и поддержание осуществляются *эпистемически ответственным образом*, предполагающим безупречное следование эвиденциалистским стандартам. Критерий обоснованности связывается с агентностью субъекта: ответственность заключается в следовании нормам, максимизирующим истинность в рамках когнитивных ограничений.

Деонтологическое обоснование обладает внутренней ценностью, поскольку деонтические стандарты способны инкорпорировать нормы рационального мышления, необходимые для интеллектуальной коммуникации и последовательного рассуждения. В отличие от инструментального подхода Олстона, сводящего эпистемологию к утилитарной цели достижения истины, деонтологическая концепция утверждает *автономную значимость рациональности* как критерия когнитивной добросовестности.

Если рассматривать гарантированное достижение истины в качестве необходимого условия обоснованности убеждений, то большинство человеческих когнитивных состояний - включая научные гипотезы - оказываются принципиально необоснованными в силу фактической невозможности достижения в *каждом случае* абсолютной достоверности и подверженности ошибкам даже хорошо обоснованных полаганий (фаллибилизм). Напротив, деонтически-оценочный подход (ДКО) сохраняет рациональный статус доксистических решений, признавая обоснованность формируемых и поддерживаемых убеждений даже в условиях когнитивной неопределённости, неизбежно возникающей в силу ограниченности человеческих познавательных ресурсов.

Альтернативное понимание обоснования

Деонтологическую концепцию обоснования можно рассматривать в аспекте соответствия ее тем интенциям нормативной эпистемологии, которые выражаются в разработке регулятивного этоса, необходимого для оптимизации условий поиска истины, а не в аспекте

определения условий обеспечения её гарантии. Аналогичным образом выполнение требований научного метода не гарантирует истину, но задает нормы, повышающие вероятность роста знаний. Деонтологическая модель косвенно способствует поиску следов истины через нормы, регулирующие формирование убеждений. Так, например, целый комплекс требований, которые выражают нормы познавательной деятельности и составляют предмет вменяемых субъекту обязательств (например, «проверять противоречия», «избегать предвзятости») направлен на максимизацию адекватности оснований, что повышает шансы на истинность усваиваемых убеждений и выдвигаемых гипотез.

Безупречность VS. Надежность

Деонтологическое обоснование адекватно как *нормативная система*, регулирующая познавательную деятельность, но не как когнитивная система *номологически-основательного обеспечения гарантий истинности*. Аргументы не опровергает ДКО, а лишь демонстрирует её ограничения в конкретных контекстах и ситуациях, где тенденция к истинности блокируется комплексом привходящих условий, которые, как правило, не являются объектом разумного предвидения со стороны субъекта. Но локальные ограничения допускают и экстерналистские критерии обоснованности, такие, например, как надежность когнитивного процесса, посредством которого происходит формирование убеждений: процесс может быть глобально надежным, т.е. отличается устойчивой тенденцией (высокой частотностью) к формированию истинных убеждений, но в силу контингентных обстоятельств эта тенденция может блокироваться, тогда тот же самый процесс может оказаться локально ненадежным. (Так, например, в ситуации с «потемкинской деревней», когда человек, полагаясь на зрительное восприятие, оказывается в окружении искусно воссозданных фасадов домов, при этом в фокусе его внимания - единственный реальный дом; несмотря на то, что в данном случае у него складывается истинное убеждение, в контрфактической ситуации посредством того же когнитивного процесса у него сложилось бы ложное убеждение, что свидетельствует о локальной ненадежности этого процесса).

Однако, основное отличие ситуаций, в которых глобальная надежность когнитивного процесса оказывается недостаточной для того, чтобы сделать убеждения обоснованными, от ситуаций в которых убеждения по *деонтическим критериям* являются обоснованными, несмотря на то, что основания для этих убеждений не обеспечивают надежного «сцепления с истиной», состоит в том, что убеждения в таких ситуациях все же считаются *обоснованными*, из чего критики выводят общее следствие, что деонтические критерии как таковые неадекватны для оценки эпистемического статуса убеждений.

Анализируя проблему посредством терминов языка *экстерналистов*, можно было бы утверждать, что расхождение деонтологического обоснования с обоснованием истинностно-проводимым, выявляемое в ряде парадигматических ситуаций, к которым апеллирует Олстон, выступает свидетельством *глобальной ненадежности такого критерия как выполнение интеллектуальных обязательств*. Однако, если признать, следуя экстерналистам, что обоснованность супервентна на фактической вероятности, то почему не признать также, что *выполнение интеллектуальных обязательств, т.е. безупречное следование эпистемическим и методологическим нормам, формирующим дисциплину критически основательного культивирования убеждений, в глобальном плане выступает фактором снижения вероятности ошибок и при определенных условиях способствует повышению вероятности*

достижения истины, несмотря на то, что определение объема этих обязательств требует учета ограниченности когнитивных ресурсов субъекта?

Познание по своей природе вероятно, - даже наиболее обоснованные убеждения могут оказаться ложными. Однако, подобно тому, как правилам дорожного движения не гарантируют полного отсутствия аварий, но статистически снижают их вероятность, эпистемические нормы *функционируют как система обеспечения «интеллектуальной безопасности»*, и механизмы этой системы активизируются субъектом при условии безупречного следования требованиям, вытекающим из эпистемических норм и определяющим содержание его интеллектуальных обязательств.

Примером формализованного выражения этой интуиции является Байесовский подход в эпистемологии: строгое следование нормам критического мышления модифицирует апостериорные вероятности таким образом, что в долгосрочной перспективе система убеждений субъекта приближается к объективной истине. Каждый акт пересмотра убеждений в свете новых свидетельств, осуществляемый по строгим методологическим правилам, математически увеличивает вероятность истинности результирующего убеждения.

Кроме того, признавая достоинство экстерналистской теории Голдмана, которая в качестве критерия, приоритетно значимого для решения вопроса о том, имеют ли убеждения положительный эпистемический статус, рассматривает надежность когнитивных процессов и механизмов формирования убеждений, некоторые эпистемологи допускают, что *принцип когнитивно-процессуальной надежности* может быть концептуально ассимилирован в рамках интерналистского подхода и выражен в деонтологических терминах как требование, выполнение которого предполагает систематический мониторинг механизмов и условий формирования убеждений в различных познавательных ситуациях и готовность пересматривать убеждения или воздерживаться от полаганий с учетом релевантных фактов относительно типовой специфики и каузальной архитектоники доксистически-генеративных процессов.

Между эпистемической деонтологией и алетической телеологией: провизионально-регулятивное обеспечение гарантий истинности

Деонтологическая концепция обоснования исходит из того, что для оценки эпистемического статуса убеждений критериально значимо то, насколько безупречно субъект познания выполняет свои интеллектуальные обязательства. Обязательства эти реализуются через следование эпистемическим нормам, которые представляют собой не просто формальные правила, но структурообразующие элементы самого познавательного процесса: критическая рефлексия, как ключевой элемент этих норм, выполняет функцию «интеллектуального иммунитета», защищающего систему убеждений от поспешных выводов, когнитивных искажений и ложных свидетельств. Выполнение интеллектуальных обязательств, содержание которых определяется сообразно требованиям, вытекающим из эпистемических норм, само по себе представляет своего рода *метакогнитивный механизм*, позволяющий субъекту выйти за пределы собственных познавательных ограничений.

Условиям деонтологического обоснования релевантно понятие не фактической, но эпистемической вероятности, но даже в этой интерналистской перспективе обоснование выстраивается как система, которая *провизионально-регулятивным образом* обеспечивает гарантии того, что субъект будет усваивать и поддерживать преимущественно такие убеждения, которые обладают истинностным содержанием. Эпистемологическая экспликация положения о

провизионально-регулятивном обеспечении гарантий истинности требует «телеологической инъекции», которая трансформирует концепцию эпистемического долга, положенную в основание классического деонтологического подхода, - по критериям, заданным в парадигме принципов деонтологического подхода, не последствия, но нормативная правильности и деонтическая безупречность выполняют конститутивную функцию в отношении определения эпистемического статуса убеждений.

Для того типа нормативности, на который ориентируется деонтологический подход, *телеологические* соображения являются irrelevantными, т.е. утверждается приоритет долга над результатом: для оправдания притязаний на знание важно не просто иметь истинные убеждения, а правильно их формировать и поддерживать, безупречно следуя нормативно заданным (например, эвиденциалистским) стандартам доксистически-познавательной дисциплины. Если бы *эпистемическая нормативность* зависела только от достижения истины (как в утилитаристском подходе), то даже случайные истинные убеждения считались бы обладающими положительной эпистемической ценностью. Поэтому М.Стиап, как и Т. Келли, отвергает телеологически-инструментально обоснование значимости эпистемических норм и утверждает *приоритет нормативно-процедурной правильности перед телеологической направленностью на истину*, что соответствует в целом категорически-императивной природе эпистемической нормативности [Steup, 2021, 18-19], - такое понимание нормативности, в контуре которого определяются условия конституирования обязательств, характерно именно для деонтологии.

В рамках деонтологического подхода обоснованность убеждения определяется не через телеологическую тенденцию и инструментальную рациональность, через безупречность в плане приведения убеждений в соответствие с нормативными требованиями, которые задают эпистемически адекватные условия менеджмента доксистических установок: «Если эпистемическая нормативность является телеологической и инструментальной, то долженствование определяется в зависимости от подходящей цели, которая обычно заключается в том, чтобы верить в то, что истинно, и не верить в то, что ложно. Если эпистемическая нормативность является категорической по своей природе, то «долженствование» в умеренном эвиденциализме непосредственно не зависит ни от какой ориентирующей на истинность цели. Томас Келли аргументированно полагает, что телеологические концепции эпистемической рациональности ошибочны. Он утверждает: «То, во что человек имеет основания верить, не зависит от содержания его целей так, как можно было бы ожидать, если бы инструменталистская концепция была верна» [Kelly, 2003, 621]. Мне это представляется правильным. Является ли вера в p эпистемически рациональной, то есть, указывают ли ваши совокупные свидетельства на p , не зависит от того, есть ли у вас какая-либо истинностно значимая цель. Напротив, это зависит от того, есть ли у вас опыт - перцептивный, мнемотический, интуитивный или интроспективный, - опыт, который повышает вероятность того, что p истинно, выше 0,5» [Steup, 2021, 18-19].

Рациональность, которая выражается в критериях оценки и отбора убеждений, исключает из класса этих критериев инструментальные и телеологические соображения, допускающие присуждение положительного статуса убеждению, даже если оно случайно оказалось истинным и поддерживается субъектом на основаниях, не отвечающих эпистемологически правильному стандарту, - отбор убеждений является познавательно рациональным, если и только если субъект при определении того, во что верить, руководствуется релевантными нормами, требующими поддерживать убеждения на адекватных основаниях, а убеждения в

дентологическом смысле являются обоснованными, если и только если в том, как субъект следует нормам, выполняя, таким образом, свои интеллектуальные обязательства, достигается безупречность, т.е. безупречно соблюдается принцип нормативной правильности.

Но как примирить деонтологическую интерпретацию эпистемических обязательств, согласно которой обоснованность убеждения определяется не через телеологическую тенденцию, а через безупречность в плане следования нормативному требованию, с телеологической интенцией на максимизацию истинности и минимизацию ошибочности в наибольшем массиве убеждений?

В первом приближении к разрешению этой дилеммы можно предложить *трансцендентальный аргумент*: сама возможность познания как рационального предприятия предполагает, что существует необходимая связь между правильным следованием эпистемическим нормам (выполнением долга) и приближением к истине. Такая связь не является эмпирической или контингентной, но представляет собой трансцендентальное условие возможности познания как такового. В таком случае телеологическая направленность не «добавляется» к деонтологическим требованиям извне, а имманентно присутствует в самой структуре рациональности, т.е. следование эпистемическому долгу и достижение истины не являются внешними друг другу, но представляют собой два аспекта единого познавательного предприятия.

Метанормативно-рефлексивный синтез деонтологии и телеологии

Наиболее перспективным способом преодоления указанной апории представляется интегративное решение, которое требует актуализации *метанормативной перспективы*. Решение на основе комплексного метанормативного подхода предполагает трансформацию моделей анализа аксионормативной структуры эпистемических обязательств.

Признание многоуровневой структуры эпистемической нормативности.

Различаются два уровня эпистемической нормативности:

- на базовом нормативном уровне выделяются ключевые регулятивы и принципы, сообразно которым определяется содержание интеллектуальных обязательств (долг следовать нормам независимо от результата);
- на метанормативном уровне присутствует телеологический элемент (нормы сами оцениваются с точки зрения их способности формировать дисциплину культивирования убеждений и способствовать приближению к истине).

На первом уровне агенты обязаны руководствоваться нормами, *конститутивными* в отношении тех обязательств, относительно исполнения которых оценивается эпистемический статус убеждений (например, «формируй убеждения только на основании адекватных свидетельств и выполняй требования, вытекающие из принципа эпистемической благоприятности»), что обеспечивает рациональную организацию, предсказуемость и интерсубъективность познавательных практик.

Однако на метанормативном уровне сами эти нормы подлежат рационально-телеологической оценке: разумность следования этим нормам зависит от способности членов эпистемического сообщества, следуя этим нормам, систематически вырабатывать истинные убеждения в долгосрочной перспективе. Данная модель позволяет избежать редукции норм к утилитаристской логике, сохраняя их автономию, но при этом интегрируя их в более широкий контекст увеличения познавательной ценности.

Различение конститутивных и регулятивных норм и выявление их системной взаимосвязи

Конститутивные нормы определяют саму возможность познавательной деятельности. В интерналистских программах классической эпистемологии конститутивные нормы получали деонтологическую экспликацию.

Регулятивные нормы ориентируют познавательную деятельность на оптимальное достижение истины и содержат телеологический элемент.

И. Кант тематизировал различие конститутивных и регулятивных принципов и при исследовании основоположений рассудка [Кант, 1994, 146-147, 186], и при анализе принципов чистого разума в отношении космологических идей (так, производя критический анализ антиномий чистого разума, Кант доказывает недействительность принципа разума как конститутивного основоположения, заключающего в себе условия расширения понятия чувственно воспринимаемого мира за пределы всякого возможного опыта [Кант, 1994, 315], и обосновывает регулятивное значение этого принципа как «правила для продолжения и объема возможного опыта» [Кант, 1994, 319]. Но, как верно заметила К. Корсгаард, «Различие, которое Кант проводит между регулятивными и конститутивными принципами, касается отношения этих принципов к объектам, к которым они применяются, а не их отношения к субъектам, которые их применяют» [Korsgaard, 1996, 236].

Регулятивные принципы направляют познание, организуя мышление, но не определяют свойства объектов (например, идеи разума).

Конститутивные принципы (категории рассудка) непосредственно формируют структуру опыта, определяя, как объекты могут быть познаны.

Джон Сёрль в работе «Речевые акты» проводит принципиальное различие между *регулятивными* и *конститутивными* правилами, опираясь на их роль в организации поведения и создании социальных практик. *Регулятивные правила* направлены на упорядочивание уже существующих форм поведения, которые логически не зависят от самих этих правил. Такие правила часто формулируются в виде императивов («Делай X» или «Если Y, то делай X») и их ключевая особенность заключается в том, что регулируемое поведение может быть описано без ссылки на сами правила. С аналитической точки зрения регулятивные правила не определяют суть деятельности, а лишь вводят ограничения или рекомендации, делая её более организованной. *Конститутивные правила*, напротив, создают принципиально новые формы поведения, которые логически невозможны без этих правил. Такие правила часто имеют структуру «X считается Y в контексте C» (например, перемещение фигуры на определённую клетку считается ходом коня). Деятельность, регулируемая конститутивными правилами, не существует вне поля их действия. С аналитической точки зрения эти правила часто являются аналитическими истинами, так как определяют значения терминов внутри конкретной системы [Searle, 2011, 33-35].

Кристин Корсгаард также отмечает, что существуют «правила и принципы, которые являются конститутивными (то есть внутренне присущими) самим видам деятельности. Чтобы действительно участвовать в этих видах деятельности, мы обязаны следовать данным принципам. Например, можно утверждать, что если я собираюсь мыслить, то должен подчиняться принципу непротиворечия; если я ставлю перед собой цель, то обязан желать и средств для её достижения; или если я вообще что-либо делаю объектом воления, то должен делать это универсальным образом» [Korsgaard, 1996, 235].

Определения и сопоставления конститутивных и регулятивных эпистемических норм представлены в таблицах.

Таблица 1 - Сравнение конститутивных и регулятивных норм

Критерий	Конститутивные нормы	Регулятивные нормы
Основная функция	Делают познание возможным	Оптимизируют познание
Нормативный статус	Деонтологический (обязательны сами по себе)	Телеологический (инструментальны для целей)
Зависимость от целей	Независимы от целей	Зависят от эффективности в достижении истины
Последствия нарушения	Утрата статуса познавательной деятельности	Снижение эффективности познания

**Таблица 2 - Теоретические следствия
дистинкции конститутивных и регулятивных норм**

Аспект	Конститутивные нормы	Регулятивные нормы
Эпистемическое обоснование	Задают базовую рациональность	Определяют степень совершенства убеждений
Эволюция практик	Обеспечивают преемственность	Позволяют адаптацию к новым условиям
Оценка агентов	"Рациональный/иррациональный"	"Эпистемически успешный/неуспешный"

Таблица 3 - Философская значимость

Аспект	Конститутивные нормы	Регулятивные нормы
Метафизический статус	Трансцендентальны (условие мышления и познания)	Обусловлены комплексной настройкой на устройство мира в соотношении с целями познания
Связь с истиной	Создают пространство для её достижения	Непосредственно направлены на её достижение
Источник нормативности	Внутренняя природа рациональности	Инструментальная эффективность

Диалектика взаимоотношений между конститутивными и регулятивными нормами

Хотя концептуально конститутивные и регулятивные нормы различны, в реальной эпистемической практике они образуют сложную взаимосвязанную систему:

- *конститутивные нормы* устанавливают пространство возможностей, внутри которого регулятивные нормы направляют познание к оптимальным результатам;
- *регулятивные нормы* конкретизируют и специфицируют общие требования, заданные конститутивными нормами, применительно к различным областям и контекстам познания.

Систематическое нарушение регулятивных норм может в предельном случае поставить под вопрос соблюдение конститутивных норм, – так, например, регулярное игнорирование свидетельств может в итоге подорвать статус субъекта как рационального агента. Историческая эволюция регулятивных норм происходит в пространстве, очерченном более стабильными конститутивными нормами.

В рамках деонтологической теории эпистемического обоснования, которая фокусируется на выполнении интеллектуальных обязанностей и соблюдении интеллектуальных норм, также можно провести различие между *конститутивными* и *регулятивными* принципами.

Конститутивные принципы деонтологического обоснования

Конститутивные принципы в деонтологической теории определяют, что составляет обоснованное убеждение, - базовым конституентом обоснованности выступает надлежащее выполнение субъектом интеллектуальных обязанностей, определенных для него на основе требований, вытекающих из эпистемических норм.

Конститутивный принцип деонтологического обоснования, выражаемый проскриптивно-разрешительной формулой (DCEJ_{permission}):

Убеждение S в том, что p, является обоснованным в момент t, если и только если усвоение и/или поддержание убеждения, что p, не запрещено (разрешено) эпистемическими принципами.

Конститутивный принцип деонтологического обоснования, выражаемый оценочной формулой (DCEJ_{blame}):

Убеждение S в том, что p, является обоснованным в момент t, если и только если позиция S в отношении к этому убеждению является интеллектуально безупречной (т.е. позиция S является инстанциацией ответственного подхода к культивированию убеждений).

Конститутивный принцип деонтологического обоснования (в формулировке Р. Пилса, построенной на основе деконструкции формулы Олстона):

«S обоснованно полагает, что p, тогда и только тогда, когда неверно, что если бы S выполнил все свои интеллектуальные обязанности, то либо привычные способы формирования убеждений у S изменились бы, либо доступ S к релевантным противоположным аргументам изменился бы таким образом, что S не поверил бы, что p» [Peels, 2017, 2898].

Общие регулятивные принципы деонтологического обоснования

Интеллектуальная честность: Субъект должен быть честным в своих интеллектуальных усилиях, избегая самообмана и предвзятости.

Стремление к истине: Субъект должен активно стремиться к истине и быть готовым пересмотреть свои убеждения в свете новых доказательств.

Избегание небрежности: Субъект должен избегать небрежности в формировании своих убеждений, тщательно проверяя и оценивая доступную информацию.

Соблюдение интеллектуальных норм: субъект должен следовать установленным интеллектуальным нормам, таким как критическое мышление и логическое рассуждение.

Регулятивные принципы деонтологического обоснования, как показывает развитие классических и современных программ эпистемологии, могут получать различную спецификацию в зависимости от того, как в эпистемологической теории определяется система норм, которые полагаются в основу содержания интеллектуальных обязательств субъекта, и как выстраивается соответствующая методологическая модель, в которой проективно представлены условия и средства исполнения этих обязательств.

Конститутивные и регулятивные принципы эпистемических обязательств в рамках умеренного эвиденциализма М. Стиапа

В качестве примера развития гибридной эпистемологической теории, в которой дается деонтологическая интерпретация принципов умеренного эвиденциализма и на основе этой

интерпретации определяются условия, при которых для субъекта возникает обязанность поддерживать определенное убеждение, рассмотрим концептуальную модель, предложенную М. Стиапом [Steup, 2021, 7-28].

Принцип соответствия убеждения подкрепляющим его актуально доступным свидетельствам (*базовый регулятивный принцип обоснования, выполняющий в деонтологической парадигме роль конститутивного принципа в отношении содержания обязательств*). Если истина является конститутивной целью убеждения, и если только истинные убеждения составляют доксистическую основу знания, то эпистемический агент, рассчитывающий на обращение убеждений в знание, должен стремиться к тому, чтобы максимизировать истинность и минимизировать ложность в наибольшем массиве убеждений. Но даже если убеждение случайно оказывается истинным, оно не считается достойным того, чтобы его поддерживать, если не было должным образом обосновано. Положительный эпистемический статус убеждения зависит от того, насколько предполагаемая связь убеждения с факторами истинности является *неслучайной, оправданной, рационально удостоверяемой*. Поэтому содержание эпистемических обязательств определяется исходя из требования не просто иметь истинные убеждения, а правильно их формировать и поддерживать, а это значит - следовать доказательствам и свидетельствам, обеспечивающим для убеждений адекватное подкрепление, т.е. достаточную индикацию истинности. Таким образом, основное эпистемическое обязательство субъекта познания состоит в том, чтобы верить в пропозицию и принимать ее как истинную только при наличии правильных индикаторов истинности, т.е., в соответствии с доказательствами или адекватными и надежными свидетельствами.

Принцип тематической релевантности (*вспомогательный конститутивный принцип*): Формировать убеждения только в отношении пропозиций, обладающих тематической значимостью в текущем когнитивном контексте агента.

Цель: Исключить бесконечные обязательства верить всем логическим следствиям, фокусируясь на релевантных для агента утверждениях.

Пример: Агент не обязан верить в тривиальную дизъюнкцию « $p \vee q$ », если « p » уже доказано, но « q » не имеет отношения к его исследованию.

Принцип эпистемической благоприятности (*конститутивный принцип*): Формировать убеждение в отношении пропозиции p допустимо только если это *эпистемически благоприятно* — т.е. убеждение p соответствует информативной силе свидетельств и не является тривиальным или избыточным.

Цель: Исключить доксистические обязательства в отношении формально обоснованных, но информативно бессодержательных пропозиций (напр., тавтологических дизъюнкций).

Пример: При свидетельстве E , подкрепляющем убеждение «Я голоден», вера в p = «Я голоден» уместна, т.е. эпистемически благоприятна а вера в q = «Я голоден или Наполеон голоден» — нет. Стиап определяет *эпистемическую благоприятность* через информативность: «Вера в p эпистемически благоприятна, если она соответствует информационному содержанию моих свидетельств» [Steup, 2021, 10]. Эпистемологическая импликация этого принципа заключается в том, что для адекватного выполнения интеллектуальных обязательств, содержание которых определяется на основе стандартов, заданных в парадигме эвиденциализма, недостаточно просто верить в то, что подтверждается свидетельствами — необходимо пропорционально соотносить убеждения со свидетельствами, не веря ни в большее, ни в меньшее, чем они поддерживают. Эвиденциализм, таким образом, требует не просто

следовать свидетельствам, но соблюдать точную пропорцию между убеждениями и их эвиденциальной базой, избегая как избыточных, так и недостаточно конкретных убеждений, что делает принцип эпистемической благоприятности ценным инструментом эпистемологической оценки рациональности убеждений.

Согласно деонтологически интерпретированной позиции, которую Стиап обозначает как «*CF-Ограниченный эвиденциализм*», обязанность верить в p возникает только при выполнении трёх условий:

1. Доступные в настоящий момент свидетельства поддерживают p (E_p).

2. Субъект выделяет и рассматривает p как предмет познавательного интереса (C_p).

3. Убеждение в том, что p , является эпистемически благоприятным ($F(Bp)$), то есть повышает информативную ценность и в перспективе способствует росту знания.

Деонтологическая обоснованность убеждений напрямую зависит от выполнения этих условий. Например, вера в тривиальные дизъюнкции, хотя и соответствует доказательствам, не является обязательной из-за отсутствия эпистемической благоприятности. Таким образом, обязанность не сводится к механическому следованию доказательствам — она требует рациональной селективности, учитывающей контекст и цели познания.

Принцип рациональной селективности (*регулятивный принцип*) требует активно *отбирать убеждения* на основе их контекстуальной значимости и соответствия информативной силе имеющихся свидетельств или полученных доказательств.

Цель: Обеспечить гибкость без отказа от эвиденциалистских стандартов.

Пример: Учёный фокусируется на гипотезах, которые могут привести к новым открытиям, игнорируя тривиальные следствия.

Принцип докастической экономии (*регулятивный принцип*) допускает *докастическое опущение*, т.е. обоснованный отказ включать в систему убеждений пропозиции, которые не усиливают её информативную ценность [Steup, 2021, 11-12].

Цель: Снизить когнитивную нагрузку, сохраняя автономию эпистемических норм.

Пример: Агент может опустить веру в $p \vee q$, даже если p подкрепляется свидетельствами, если это не улучшает понимание темы.

Принцип автономии эпистемических норм (*метанормативный конститутивный принцип*): Эпистемические обязательства *первичны* по отношению к прагматическим интересам. Отклонения допустимы только в исключительных случаях и на уровне «всеобъемлющего долженствования» [Steup, 2021, 16-17].

Цель: Предотвратить смешение нормативных сфер и сохранить «чистоту» эвиденциализма.

Пример: В обычных условиях агент обязан верить в p , если доказательства или свидетельства поддерживают p , даже если это противоречит его желаниям.

Принцип ограниченного пермиссивизма (*метанормативный регулятивный принцип*): Разрешать отклонения от строгого следования свидетельствам только в условиях соизмеримости эпистемических и прагматических ценностей (например, сохранение жизни).

Цель: Учесть сложность реальных контекстов, не подрывая обоснованность.

Пример: В экстренной ситуации допустимо принять решение на основе неполных данных, но в научной работе это недопустимо.

В плане эпистемологического исследования нормативных условий обоснования различение конститутивных и регулятивных норм позволяет сохранить *деонтологический характер базовых эпистемических обязательств* (через конститутивные нормы), одновременно интегрируя *телеологическую направленность на истину* (через регулятивные нормы).

Эволюционно-исторический взгляд на эпистемические нормы

Нормы формирования убеждений эволюционировали как механизмы, максимизирующие приближение к истине в широком спектре познавательных ситуаций, но при этом их применение в каждом конкретном случае должно быть деонтологическим (независимым от результата). Релевантность норм телеологически определенному идеалу знания раскрывается посредством функционально-генетического обоснования их значимости как условий возможности достижения целей, главная из которых, как уже не раз отмечалось, – максимизация истинности и избегание ошибок в наибольшем массиве убеждений: эпистемические нормы являются продуктом длительной когнитивной эволюции, в ходе которой эти нормы доказали свою эффективность как регулятивные установки, следование которым объективно способствует генерации истинных убеждений, и именно такие нормы подлежат деонтологической экспликации. Например, научный метод, будучи формально деонтологическим (требует следования протоколам экспериментов, верификации гипотез), телеологически ориентирован на устранение ошибок и приближение к истине. Таким образом, нормативная строгость процедур выступает не альтернативой, а условием реализации базовой телеологической установки.

Такой подход позволяет сохранить деонтологическую чистоту эпистемических обязательств на уровне отдельных познавательных актов (где следование долгу важнее результата), одновременно признавая телеологическую структуру системы эпистемических норм в целом (где нормы оцениваются по их способности оптимизировать движение к истине). Тем самым разрешается парадокс: мы следуем эпистемическим нормам не потому, что они ведут к истине в каждом конкретном случае, а потому что это наш эпистемический долг; но сами эти нормы существуют и эволюционируют именно потому, что они в долгосрочной перспективе оптимизируют достижение истины.

Рациональная комбинация долга и эффективности

Деонтологическая экспликация эпистемических норм, основанная на соотнесении их категорически-императивного содержания с предметом интеллектуальных обязательств, не противоречит тому, чтобы рассматривать эти нормы как рефлексивное воплощение телеологической рациональности, потенциал которой раскрывается на метанормативном уровне, когда встает вопрос о разумности следования этим нормам. Рациональность принятия самих норм как правил, которыми должен руководствоваться субъект познания, определяется не только (а) трансцендентально-аксиологической значимостью их содержания и (б) конструктивной ролью в структурировании познавательного процесса, но и (в) соображениями, выделяющие эти нормы как факторы исторической, прагматической и методологической оптимизации, направленной на достижение истины в условиях когнитивных ограничений. В этой перспективе *деонтология* и *телеология* выступают как взаимозависимые уровни эпистемического обоснования: процедурные нормы задают операциональные рамки познания, а телеологический идеал истины выполняет роль регулятивного принципа, стимулирующего ревизию и совершенствование самих норм. Данный синтез позволяет избежать как прагматического релятивизма (угрозы телеологии без деонтологии), так и догматического формализма (риска деонтологии без телеологии), утверждая динамическое равновесие между корректностью процесса и ценностью результата в структуре эпистемической рациональности.

Отказ от бинарности: спектральная модель эпистемических обязательств

Противопоставление деонтологии и телеологии основано на ложной дихотомии. Эпистемические обязательства образуют спектр: на одном конце — минимальные деонтологические требования (непротиворечивость, эвиденциализм), на другом — максимизирующие телеологические идеалы (полнота и новизна истинностного содержания). Между ними располагаются гибридные формы, такие как контекстуально-зависимые нормы или адаптивные эвристики. Спектральная модель позволяет сохранить примат деонтологии в определении эпистемического статуса конкретных убеждений, не отрицая телеологию как метапринцип, организующий развитие познавательных систем.

Деонтологическое обоснование как источник права быть уверенным в истинности

Требование выполнения интеллектуальных обязательств не является регулятивным принципом, внешним по отношению к процессу генерации знаний, поскольку этот процесс предполагает формирование и отбор убеждений, а обязательность следования нормам, задающим рациональные основания этого отбора, включая критерии оценки вероятной истинности, определяется не только природой убеждений и статусом разумного существа, но и *условиями эпистемически целесообразной оптимизации использования доступных субъекту возможностей получения убеждений с высоким индексом истинностного содержания*; но недостаточно иметь истинные убеждения, чтобы оправдать притязания на знание, - субъект должен предоставить *рационально приемлемое ручательство*, чтобы отстоять свое право быть уверенным в истинности того, во что он верит, в чем убежден и на знание чего он притязает. Адаптируя в этом контексте мысль, высказанную Айером в работе «Проблема знания» [Ayer, 1956, 17], можно утверждать, что именно безупречное исполнение обязательств с определенным нормативным содержанием служит таким ручательством - дает человеку право полагать, что нечто является истинным, а наличие такого права (как показывает Айер) конститутивно в отношении позиции обладания знанием. Иными словами, *обязательства встроены в саму архитектуру эпистемического предприятия*, а их выполнение составляет *деонтологическое условие возможности* трансформации субъективных убеждений в объективное знание. Строгое следование эпистемическим нормам создает то, что можно назвать «эпистемической добродетелью» — качеством познавательной активности, которое статистически гарантирует приближение к истине в долгосрочной перспективе.

Критерии эпистемологической адекватности ДКО Р.Пилса

Возможности синтеза принципов эпистемической деонтологии с установками алетической телеологии познавательного процесса раскрываются в рамках позитивной аргументации в защиту деонтологической концепции эпистемического обоснования, которую развивает Р.Пилс. Основная интенция Пилса состоит не в том, чтобы доказать, что деонтологическая концепция обоснования является безусловно правильной, но в том, чтобы показать, что эта концепция имеет самостоятельное значение и обеспечивает вполне адекватный подход к решению тех задач эпистемологии, которые получают альтернативные решения в рамках других концепций, с которыми деонтологический подход может правомерно конкурировать.

Эпистемологическая значимость ДКО раскрывается через установление соответствия данной концепции трем существенным критериям эпистемологической адекватности, которым, как постулирует Пилс, должна удовлетворять любая конкурентная концепция обоснования.

Первым из этих критериев является демонстрация отношения к «джеймсианской» цели формирования истинных и избегания ложных убеждений. Выполнение интеллектуальных обязательств, хотя и не гарантирует истинность убеждений в каждом конкретном случае, тем не менее, в целом представляет собой надежный способ достижения «джеймсианской» цели, и этот факт позволяет интерпретировать деонтологическую концепцию как эпистемологически релевантную теоретическую модель. Пилс указывает, что эпистемические интеллектуальные обязательства связаны именно с «джеймсианской» целью формирования истинных и избегания ложных убеждений, а не с достижением прагматической полезности или моральной благости. Данное различие позволяет Пилсу парировать возражение о возможном смешении эпистемического и практического обоснования в рамках деонтологической концепции, поскольку сторонник данной концепции не обязан считать, что мы имеем интеллектуальное обязательство выполнять любое действие, способствующее «джеймсианской» цели, но может *ограничить сферу эпистемических обязательств* только теми действиями, которые не-девиантным образом приводят к формированию убеждений, такими как сбор доказательств, культивирование интеллектуальных добродетелей, мониторинг, контроль и совершенствование работы когнитивных механизмов [Peels, 2017, 2906- 2909].

Вторым критерием выступает структурная аналогия с другими видами обоснования, и Пилс убедительно демонстрирует, что деонтологическое эпистемическое обоснование проявляет существенное сходство с обоснованием в области действий, поскольку в обоих случаях отсутствие нарушения релевантных правил и обязательств, а также отсутствие порицаемости выступают ключевыми характеристиками обоснованности [Peels, 2017, 2909-1910].

Третьим критерием эпистемологической адекватности ДКО является функционирование деонтологического обоснования как необходимого условия знания, что обосновывается Пилсом через указание на интуитивную неприемлемость атрибуции знания в случаях, когда субъект обладает истинным убеждением только вследствие невыполнения своих эпистемических обязательств, поскольку в таких ситуациях истинность убеждения оказывается случайной, что свидетельствует о том, что убеждение не обладает положительным статусом, достаточным для квалификации его в качестве знания, которое можно было бы приписать субъекту. Аргумент состоит в следующем: «Предположим, что S верит, что p, на основании свидетельств E, но имеет эпистемическое обязательство собрать дополнительные свидетельства E, *которые привели бы ее к тому, чтобы не верить, что p. Если S виновно не собирает E*, трудно понять, как убеждение S могло бы считаться знанием, даже если оно истинно», ибо «если S имеет истинное убеждение только потому, что S не выполнил(а) свои эпистемические обязательства, то истинность убеждения S является слишком случайной, чтобы считаться знанием» [Peels, 2017, 2911].

Ключевая эпистемологическая ценность деонтологической концепции обоснования заключается в том, что она обеспечивает нормативную базу для оценки познавательной деятельности субъекта, выявляя недостаточность простой истинности убеждения для признания его знанием. Таким образом, деонтологический аспект обоснования устанавливает важный критерий демаркации между случайно истинными убеждениями и подлинным знанием, подчеркивая процессуальный, нормативный характер познавательной деятельности и ответственность субъекта за соблюдение эпистемических стандартов при формировании убеждений.

Перспективный синтез деонтологических и телеологических установок в эпистемологии добродетелей

Эпистемология добродетелей (*virtue epistemology*) предлагает элегантное решение, объединяющее деонтологический и телеологический подходы. Согласно этой концепции, эпистемический субъект культивирует познавательные добродетели, которые одновременно (а) определяют нормативно правильные способы формирования убеждений (деонтологический аспект) и (б) надежно ведут к истине в условиях, благоприятных для проявления соответствующих диспозиций (телеологический аспект). В рамках этого подхода нет противоречия между следованием долгу и стремлением к истине, поскольку комбинация принципов культивирования эпистемических добродетелей с условиями эффективной реализации заложенных в них диспозиций обеспечивает конвергенцию деонтологического и телеологического векторов моделирования системы критериев для определения статуса обоснованности.

Заключение

Несмотря на существенные возражения, указывающие на ограниченность деонтологической трактовки обоснования и индуцирующие сомнения в ее эпистемологической состоятельности, деонтологическая модель, поддерживаемая в ряде программ, определяющих критерии обоснованности с позиций интернализма, демонстрирует значительную концептуальную устойчивость и адаптивность.

Эпистемологический вектор критики деонтологической концепции обоснования (ДКО) выразился в развитии аргументов, демонстрирующих, что деонтологическое обоснование не удовлетворяет требованию истинностной проводимости, согласно которому обоснование должно систематически выявлять надежные индикаторы истинности, увеличивая, таким образом, шансы того, что убеждения, отбираемые посредством обосновывающих процедур, являются истинными. Критика Олстона, основанная на примерах культурной изоляции и недостатка когнитивных способностей, ставит под вопрос эпистемологическую состоятельность деонтологической концепции обоснования. В обсуждении проблемы истинностной проводимости в отношении ДКО обозначилось разведение экстерналистских - объективно-вероятностных конститuentов и деонтологически-эвиденциалистских критериев обоснованности, что можно рассматривать как дискурсивное выражение принципиального различия позиций экстернализма и интернализма, соответствующих альтернативным парадигмам понимания природы и факторов обоснования.

Систематический анализ критических аргументов выявляет их концептуальную амбивалентность и структурные противоречия. В частности, в аргументации Олстона обнаруживается:

- неоправданная редукция деонтологической обоснованности к формальной безупречности, игнорирующая положительное содержание эпистемических обязательств;
- нарушение принципа эпистемически-нормативной релевантности через замену его контекстуальной релятивизацией нормативно-оценочных критериев;
- дилемма рациональной агентности, не получающая адекватного разрешения в рамках предложенной модели ситуаций;
- подмена деонтических понятий социально-оправдательными, иррелевантными для эпистемологического дискурса.

Исследование показывает, что основной теоретический вызов деонтологической концепции обоснования, который выразился в постановке проблемы истинностной проводимости, может быть преодолен посредством многоуровневого анализа нормативной архитектоники познания. Систематизация стратегий защиты ДКО позволяет выделить следующие ключевые направления реабилитации деонтологического подхода к экспликации принципов обоснованности:

Во-первых, концептуальный анализ Х. Вахида демонстрирует, что критика Олстона основана на неправомерном отождествлении общеэпистемологической проблемы (обоснованность не гарантирует истинность) с частной проблемой деонтологической концепции. Расхождение деонтологического обоснования с истинностной проводимостью оказывается не уникальным дефектом ДКО, а манифестацией фундаментального свойства эпистемического обоснования как такового, имеющего вероятностную природу, свойства, которое проявляется в условиях исполнения «когнитивных» обязательств.

Во-вторых, в результате критического анализа была выявлена амбивалентность понятийного аппарата, используемого У.Олстоном. Смещение теоретической ответственности (нормативная оценка эпистемического дефекта в формировании убеждения) и социального осуждения (практическое порицание субъекта) приводит к категориальной ошибке, искажающей саму суть деонтологического подхода. Деонтологическое обоснование оперирует критериями теоретической ответственности и интеллектуальной безупречности, которые мотивационно связывают выполнение эпистемического долга с условиями поддержания истинностной направленности убеждений.

В-третьих, дефляционная стратегия, предложенная М.Стиапом, переосмысливает само понятие истинностной проводимости на основе понятия эпистемической вероятности, которое более основательно вписывается в парадигму деонтологического интернализма, чем понятие фактической вероятности, которым оперирует Олстон, развивая критику ДКО. Данный подход позволяет сохранить связь деонтологического обоснования с истиной на уровне эпистемически доступных субъекту свидетельств, не требуя при этом онтологических гарантий, которые в принципе недостижимы в рамках конечного человеческого познания. Реинтерпретация истинностной проводимости в терминах эпистемической вероятности подразумевает, что деонтологическая концепция обоснования не отрицает связь между обоснованием и истиной, но трактует ее в интерналистском ключе.

Теоретический вывод состоит в том, что рациональная агентность и ответственное следование эпистемическим нормам выступают самостоятельной ценностью и необходимым условием рациональной оптимизации доксистических установок: с одной стороны, статистически исчисляемые гарантии истины, будучи базовым ориентиром экстерналистских подходов, не являются исключительным критерием для нормативной оценки убеждений, если рассматривать эту оценку как результат рефлексивной деятельности субъекта; с другой стороны, соображения статистической надежности процесса формирования убеждений могут быть интегрированы в систему критериев деонтологической оценки, на что указывал также Г. Вахид (так, например, если субъекту доступны проверенные данные, то требование использования этих данных при анализе оснований для убеждений конституирует обязанность, безупречное выполнение которой повышает вероятность того, что поддерживаемые убеждения являются истинными).

В-четвертых, диспозиционально-динамическое понимание деонтологического обоснования, предложенное А.В. Галухиным, вскрывает несостоятельность статического анализа Олстона. Деонтологическая безупречность предполагает не только соответствие

актуальным нормам в данной эпистемической ситуации, но и имманентную готовность к ревизии убеждений при изменении доказательственной или эвиденциальной базы. Такое диспозициональное понимание обоснования включает телеологическую перспективу согласованности с долгосрочной ориентацией на истину, преодолевая дихотомию деонтологического и телеологического подходов.

В-пятых, концепция «приземленной рациональности» Р. Локки предлагает контекстуальный подход к определению эпистемических требований, учитывающий когнитивные и культурные ограничения субъекта, что позволяет сохранить нормативную силу деонтологических критериев в условиях эпистемической неопределенности и когнитивной ограниченности, характерных для реальной познавательной практики, интегрировав эти критерии в эффективную модель ситуативных «доксастических решений», имеющих рациональное обоснование, релевантное условиям реализации познавательных ценностей.

В-шестых, анализ критериев эпистемологической адекватности ДКО, предложенных Р. Пилсом, подтверждает, что деонтологическое обоснование: (а) имеет отношение к джеймсианской цели формирования истинных и избегания ложных убеждений; (б) проявляет структурную аналогию с другими видами обоснования; (в) функционирует как необходимое условие знания, предотвращая атрибуцию знания в случаях случайной истинности убеждений.

В-седьмых, было установлено, что использование деонтических критериев оценки само по себе имеет провизионально-регулятивную значимость, в свете которой безупречное выполнение субъектом интеллектуальных обязательств, содержание которых определяется исходя из эпистемических норм, представляется одним из системных факторов минимизации ошибок и перспективной оптимизации условий достижения истины

В-восьмых, эвристически ценным представляется рассмотрение эпистемического обоснования как источника права быть уверенным в истинности. Безупречное исполнение интеллектуальных обязательств с определенным нормативным содержанием служит рациональным ручательством, дающим субъекту право полагать, что нечто является истинным, что конститутивно в отношении позиции обладания знанием.

Как демонстрирует критика аргументации Олстона, деонтологическая концепция обоснования сохраняет свою эпистемологическую состоятельность при условии признания того, что выполнение интеллектуальных обязательств, рассматриваемое как фактор, способствующий повышению эпистемической вероятности того, что усваиваемые и поддерживаемые убеждения являются истинными, образует необходимое, хотя и недостаточное условие обеспечения истинностной проводимости. Вместе с тем, телеологическая направленность на достижение истины приобретает нормативно-регулятивный характер лишь будучи опосредованной системой деонтологически артикулированных эпистемических норм, что находит своё выражение в предложенном метанормативном различии конститутивных и регулятивных аспектов эпистемической нормативности. На уровне конкретных познавательных актов приоритет остаётся за категорически-императивной природой деонтологических требований, тогда как на метауровне развития познавательных систем телеологические соображения выполняют функцию оптимизирующего регулятивного принципа.

Реабилитация деонтологического подхода требует не отказа от истинностной проводимости как базового стандарта и телеологического горизонта эпистемического обоснования, но герменевтической реконфигурации самого понятия «истинностной проводимости» через комбинацию принципов эпистемической вероятности, когнитивной доступности и рациональной ответственности. Такая реконфигурация позволяет сохранить нормативную силу

деонтических предикатов, избегая при этом наивного волюнтаризма и догматического фундаментализма.

Выявленные ограничения деонтологического обоснования, связанные с проблемой доксистического контроля и истинностной проводимости, не отменяют её значимости, но указывают на необходимость интеграции с иными эпистемологическими подходами, учитывающими объективные факторы обоснования. Деонтологическое понимание может быть интегрировано в более широкую эпистемологическую перспективу, где нормативно-деонтические ожидания от субъекта сочетаются с объективными показателями надежности когнитивных процессов или координируются с оценкой его эпистемической добродетельности (векторы такой интеграции представлены в работах М. Бергмана, А.Робицш, Э.Сосы. В конечном счете, деонтологическая концепция обоснования представляет собой не только теоретическую альтернативу в спектре эпистемологических подходов, но и необходимый элемент интегральной теории познания, способной удержать в поле зрения как объективные механизмы формирования истинных убеждений, так и нормативную инфраструктуру рационального когнитивного поведения. Но построение системной модели эпистемологического анализа, в рамках которой можно было бы доказать, что нормативно-деонтологические квалификации убеждений и алетически-телеологические установки познания находятся в отношении функциональной взаимодополняемости, а не взаимоисключения, по-прежнему является актуальной задачей современной эпистемологии.

Библиография

1. Галухин А.В. Спор об истинностной проводимости деонтологического обоснования: критика аргумента от эпистемической обделенности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 5А. С. 18-46.
2. Галухин А.В. Концептуальные контуры деонтологической экспликации принципа эпистемической обоснованности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 5А. С. 3-38.
3. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // Philosophical Perspectives, 1988. Vol. 2. Epistemology. P. 257-299.
5. Alston W. P. Epistemic Justification. Essays in the Theory of Knowledge. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. 355 p.
6. Ayer A.J. The Problem of Knowledge. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1956. 224 p.
7. Feldman, Richard Epistemic Obligations // Philosophical Perspectives, 1988, Vol. 2, Epistemology. P. 235-256.
8. Feldman, Richard The Ethics of Belief // Philosophy and Phenomenological Research, Vol. 60, No. 3 (May, 2000). P. 667-695.
9. Goldman, Alvin I. The Internalist Conception of Justification. // Midwest Studies in Philosophy, 1980, 5 (1). P. 27-51.
10. Goldman, Alvin I. Internalism Exposed // The Journal of Philosophy, 1999, Vol. 96, No. 6. (Jun., 1999). P. 271-293.
11. Kelly, Thomas. Epistemic Rationality as Instrumental Rationality: A Critique... Philosophy and Phenomenological Research, 2003, Vol. 66, № 3. P. 612-640.
12. Kornblith, Hilary. Epistemic Obligation and the Possibility of Internalism // In: Abrol Fairweather and Linda Zagzebski (eds.) Virtue Epistemology: Essays on Epistemic Virtue and Responsibility. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 231-248.
13. Korsgaard, Christine M. (1996) The Sources of Normativity. New York: Cambridge University Press. 273 p.
14. Lockie, R. Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
15. Nottelmann, N. The deontological conception of epistemic justification: a reassessment. // Synthese, 2013, Vol.190. P.2219-2241.
16. Peels, Rik Let's Bite the Bullet on Deontological Epistemic Justification: A Response to Robert Lockie // Social Epistemology Review and Reply Collective, 2015, Vol. 4, No. 12. P. 42-50.
17. Peels, Rick Responsible belief and epistemic justification. // Synthese, 2017, 194 (8). P. 2895-2915.
18. Plantinga, Alvin. Warrant: The Current Debate. Oxford: Oxford University Press, 1993. 228 p.

19. Searle, John R. *Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language* New York: Cambridge University Press, 2011, 203 p.
20. Steup, M. *An Introduction to Contemporary Epistemology*. New Jersey: Prentice Hall, 1996. 232 p.
21. Steup, M. *Epistemic Duty, Justified Belief, and Voluntary Control* // In: Kevin McCain and Scott Stapleford (eds.) *Epistemic Duties. New Arguments, New Angles*. New York: Routledge, 2021. P. 7-28.
22. Vahid, Hamid *Epistemic Justification and the Skeptical Challenge*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 236 p.

Deontic vs. Truth-Conducive Justification: Prospects for Meta-Normative Synthesis in Analytic Epistemology

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This paper explores the epistemological critique of the deontological conception of epistemic justification (DCJ), a perspective prominently articulated in the arguments of W. Alston and other epistemologists who contend that deontological justification fails to satisfy the requirement of truth-conduciveness – taken by these critics as essential to any viable conception of epistemic justification – according to which justification must systematically identify reliable indicators of truth, thereby increasing the likelihood that beliefs selected through justificatory procedures are true. Alston's critique is grounded in examples of subjects in cultural isolation or with cognitive limitations. Although their beliefs are justified by deontological standards, these subjects are in an epistemically impoverished position regarding acquisition of true beliefs. Through this 'epistemic poverty' argument, Alston challenges the very epistemological viability of DCJ, underscoring the divergence between externalist (objectively probabilistic) and internalist (deontological and evidentialist) criteria of justification. However, a systematic analysis reveals conceptual ambiguities and structural contradictions within this critique. These include: (1) an unwarranted reduction of deontological justification to mere formal blamelessness – effectively a disguise for irrational innocence; (2) a violation of the principle of epistemically-normative relevance through the contextual relativization of deontic criteria, resulting in a disconnection between objective and subjective epistemic duties; (3) an unresolved dilemma concerning rational agency; and (4) the substitution of deontic concepts with social or practical excuses, which remain irrelevant to proper epistemological discourse, and (5) a *petitio principii* fallacy in Alston's argumentation. The paper proposes a comprehensive strategy for rehabilitating the epistemological merit of the deontological conception of justification, drawing on a combination of approaches developed within contemporary analytic epistemology: 1) conceptual deconstruction (H. Vahid) demonstrating that the perceived divergence between deontological and truth-conducive justification emerges naturally when Alston's deontic-evaluative framework is analyzed in terms of justification's probabilistic nature; 2) a deflationary reinterpretation of the very idea of truth-conducive justification (M. Steup), resulting in the replacement of externalist criteria of factual probability with those of conditional epistemic

probability within a deontological reading of moderate evidentialism; 3) a dispositional-dynamic model (A.V. Galukhin), integrating an inherent readiness to revise beliefs into the structure of deontic qualifiers of intellectual impeccability and epistemic blamelessness; 4) a contextual approach based on the notion of “grounded rationality” (R. Lockie), adapting norms to situational cognitive constraints; and 5) the statistical integration of reliability requirements for cognitive processes into the framework of deontological obligations. The paper elucidates the provisional-regulatory significance of the deontological justification system, arguing that the impeccable fulfillment of intellectual obligations serves as a systemic factor in minimizing errors and strategically optimizing the prospects for attaining truth. Furthermore, it advocates for the promising potential of a meta-normative reflective synthesis of deontological and teleological approaches through the distinction and correlation of constitutive and regulative norms. The rehabilitation of the deontological approach does not entail a rejection of truth-conduciveness as a fundamental epistemological standard but rather necessitates a reconfiguration of the very concept of how deontological justification, through a combination of principles of epistemic probability, cognitive accessibility, and rational responsibility, leads to the pursuit of truth.

For citation

Galukhin A.V. (2025) Deontologicheskoe vs. istinnostno-napravlennoe obosnovanie: perspektivy metanormativnogo sinteza v analiticheskoy epistemologii [Deontic vs. Truth-Conducive Justification: Prospects for Meta-Normative Synthesis in Analytic Epistemology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (9A), pp. 12-49. DOI: 10.34670/AR.2025.54.84.002

Keywords

Deontological conception of epistemic justification, intellectual duties, doxastic responsibility, knowledge, truth, epistemic poverty argument, truth-conduciveness, internalist/externalist divergence, epistemic probability, constitutive and regulative norms, rationality, agency.

References

1. Alston, W. P. (1988). The deontological conception of epistemic justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 257–299.
2. Alston, W. P. (1989). *Epistemic justification: Essays in the theory of knowledge*. Cornell University Press.
3. Ayer, A. J. (1956). *The problem of knowledge*. Penguin Books.
4. Feldman, R. (1988). Epistemic obligations. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 235–256.
5. Feldman, R. (2000). The ethics of belief. *Philosophy and Phenomenological Research*, 60 (3), pp. 667–695.
6. Galukhin A.V. (2024) Spor ob istinnostnoy provodimosti deontologicheskogo obosnovaniya: kritika argumenta ot epistemicheskoy obdelennosti [Controversy over the Truth-Conduciveness of Deontological Justification: The Criticism of Epistemic Poverty Argument]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (5A), pp. 18-46.
7. Galukhin A.V. (2025) Konceptual'nye kontury deontologicheskoy eksplikatsii principa jepistemicheskoy obosnovannosti [The Conceptual Framework of Deontological Approaches to Epistemic Justification]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (5A), pp. 3-38.
8. Goldman, A. I. (1980). The internalist conception of justification. *Midwest Studies in Philosophy*, 5(1), pp. 27–51.
9. Goldman, A. I. (1999). Internalism exposed. *The Journal of Philosophy*, 96(6), 271–293.
10. Kant I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] Translated from German by N. Lossky. Note by Ts.G. Arzakanyan. Moscow: Mysl. (Original work published 1781/1787).
11. Kelly, T. (2003). Epistemic rationality as instrumental rationality: A critique. *Philosophy and Phenomenological Research*, 66(3), pp. 612–640.
12. Kornblith, H. (2001). Epistemic obligation and the possibility of internalism. In A. Fairweather & L. Zagzebski (Eds.), *Virtue epistemology: Essays on epistemic virtue and responsibility* (pp. 231–248). Oxford University Press.

-
13. Korsgaard, C. M. (1996). *The sources of normativity*. Cambridge University Press.
 14. Lockie, R. (2018). *Free will and epistemology: A defence of the transcendental argument for freedom*. Bloomsbury Academic.
 15. Nottelmann, N. (2013). The deontological conception of epistemic justification: A reassessment. *Synthese*, 190, pp. 2219–2241.
 16. Peels, R. (2015). Let's bite the bullet on deontological epistemic justification: A response to Robert Lockie. *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 4(12), pp. 42–50.
 17. Peels, R. (2017). Responsible belief and epistemic justification. *Synthese*, 194(8), pp. 2895–2915.
 18. Plantinga, A. (1993). *Warrant: The current debate*. Oxford University Press.
 19. Searle, J. R. (2011). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press. (Original work published 1969).
 20. Steup, M. (1996). *An introduction to contemporary epistemology*. Prentice Hall.
 21. Steup, M. (2021). Epistemic duty, justified belief, and voluntary control. In K. McCain & S. Stapleford (Eds.), *Epistemic duties: New arguments, new angles* (pp. 7–28). Routledge.
 22. Vahid, H. (2005). *Epistemic justification and the skeptical challenge*. Palgrave Macmillan.